

- от* + *Род.* 1
Как кристаллическую ноту, / Что
от рождения чиста! (+ 'причин-
ность')
- до* + *Род.* 9
Это было и пелось, синяя, / Мно-
го задолго до Одиссея, / До того,
как еду и питье / Называли «моя»
и «мое»
- с* + *Род.* 2
С утра вино ⟨...⟩; Уже с утра по-
кой и трудные длинноты
- доколе* 2
О, железные, доколе / Безопас-
ный Капитолий / Мы хранить
осуждены?; Доколе не сорвусь —
разыгрываю в лицах / Единствен-
ное, что мы знаем днесь
- ⟨ограниченный во времени (2) vs.
неограниченный (8)⟩ (10, всего 12)**
- временный* 1
И под временным небом чисти-
лица / Забываем мы часто о том,
/ Что счастливое небохранили-
ще — / Раздвижной и прижиз-
ненный дом
- временщик* 1
Когда октябрьский нам готовил
временщик
- vs.**
- бесконечно* 1
Так лежи, молодец и лежи, бес-
конечно прямясь
- бесконечный* 2
И с бесконечной челобитной /
О справедливости людской / Чер-
неет на скамье гранитной / Само-
убийца молодой; И радужный
уже строчится шов, / Для беско-
нечного познания яви
- бесконечность* 1
До бесконечности расширенного
часа
- навсегда* 2
Сохрани мою речь навсегда за
привкус несчастья и дыма; Тру-
додень земли знакомой / Я за-
помнил навсегда
- бессрочно* 1
Мне хочется уйти из нашей речи /
За все, чем я обязан ей бессрочно
- неизменно* 1
И неизменно дует ветер свежий
⟨собственно **продолжительность**⟩
(66, всего 72)
- мгновенный* 2
Ломаю ночь, горящий мел, / Для
твердой записи мгновенной;
В пальцах тепло не мгновенное, /
Сила лежит фортепьянная
- мгновенное* 1
Но если ты мгновенным озабо-
чен — / Твой жребий страшен и
твой дом непрочен!
- короткий* 2
Если все живое лишь помарка /
За короткий выморочный день /
⟨...⟩; ⟨...⟩ Срок счастья был коро-
че, / Чем взмах ресницы. ⟨...⟩
- долгий* 4
Чудесный звук, на долгий срок;
И, как слепые, ночью долгой /
Мы смесь бессолнечную пьем;
На стогнах, шершавых от долго-
го сна, шевелится; *Ложноволо-
сая — и пахнет долгой ложью
- долго* 6
Над желтизной правительствен-
ных зданий / Кружилась долго
мутная метель; Золотистого меда
струя из бутылки текла / Так тя-
гуче и долго, что молвить хозяй-
ка успела; На страже утренней
он долго оставался; [зрачок гла-
за] Будет он, обожествленный, /
Долго жить в родной стране; Ук-

рашенная названьем песнь / Дольше живет среди других	<i>скорее, скорей</i> 9
<i>долго</i> ль 1 Долго ль еще нам ходить по гро- ба, / Как по грибы деревенская девка?..	На яхте, на чухонской шхуне / Уе- хать хочется скорей! Вернись ко мне скорее; То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш; Чего ж те- бе еще? Скорей глаза сощури; Уз- навай же скорее декабрьский де- нек; Мы с тобою поедем на «А» и на «Б» / Посмотреть, кто скорее умрет; О, если бы распахнуть, да как нельзя скорее, / На Адриати- ку широкое окно
<i>долгота</i> 1 ⟨...⟩ и гласных долгота / В тони- ческих стихах единственная мера	<i>скоро</i> ль 1 Скоро ль истиной народа / Ста- нет истина моя?
<i>надолго</i> 1 В зверинце заперев зверей, / Мы успокоимся надолго	<i>поскорей</i> 1 В сиреневые сани / Усядусь по- скорей
<i>задолго</i> 1 Это было и пелось, синяя, / Мно- го задолго до Одиссея	<i>никак не</i> 1 Никак не уляжется крови сухая возня
<i>длительность</i> 1 Но только раз бывает разлита / В природе длительность, как в метрике Гомера	<i>всё время</i> 1 Не поддается петелька тугая, / Всё время валится из рук
<i>длинноты</i> 1 Уже с утра покой и трудные длинноты	<i>всё</i> 15 Всё поют блаженных жен родные очи, / Всё цветут бессмертные цветы
<i>длительный</i> 1 (перелеты)	<i>*побыть</i> 2 Я стою у твердого порога. / Ухо- ди, уйди, еще побудь
<i>длиться</i> 3 И евхаристия, как вечный пол- день, длится; Жуют волю, и длится ожиданье; ⟨...⟩ в разговоре, / Кото- рый начался и длится без конца	<i>до + Род.</i> 2 До бесконечности расширенного часа
<i>без конца</i> 1 (см. ↑)	<i>остаться</i> 1 ('продолжать быть')
<i>пережить</i> 2 ('жить дольше, чем X')	И лба кусочек восковой. / Я знаю — он остался белый / Под смуглой прядью золотой
И мудрое сферическое зданье / Народы и века переживает; Я пе- режил того подростка	
<i>нетленный</i> 1 (сталинская тематика)	
Биться за дело нетленное...	
<i>*тягучий</i> 1 Тягучих арий дребедень	
<i>скоро</i> 3 Как скоро ты смуглянкой стала; И скоро будет солнце — скоро / Безумный петел прокричит	

Протяженность во времени — это обширная и представи-
тельная группа номинаций. Главные противопоставления внут-
ри этой группы — это ограниченность во времени vs. неограни-

ченность, короткий промежуток времени vs. длинный. Со знаком плюс в поэзии Мандельштама идут неограниченность и длительность: здесь сказывается предпочтение, отдаваемое вневременности и ничем не ограниченному существованию.

Границы во времени задают 19 номинаций, причем не только тривиальные предложные, но и метафорические, с дополнительными смысловыми обертонами — христианскими, *альфа и омега* (*И альфа и омега бури* 1923), экзистенциальными, *гроб... колыбель* (*И вальс из гроба в колыбель / Переливающей, как хмель* 1935). Ограничивающими событие во времени в поэзии Мандельштама предстают еще два слова, *временный* 1, *временщик* 1 (производные от *времени!*).

Неограниченное событие — это 7 употреблений:

бесконечно 1, *бесконечный* 2 — *И радужный уже строчится шов / Для бесконечного познания яви* 1936—1937, *навсегда* 2 — *Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма* 1931, *бессрочно* 1 — *Мне хочется уйти из нашей речи / За все, чем я обязан ей бессрочно* 1932.

Продолжительность (66), передающая время протекания (которое чаще всего оценивается с позиции ‘долго’/‘кратко’), также отражает любовь Мандельштама к большим промежуткам времени, которые к тому же не имеют четких границ (например, *удлиться* и *пережить*). Заметим: из 65 словоупотреблений, относящихся на протяженность, только четыре передают малый промежуток (*мгновенный* 1, *мгновенное* 1, *короткий* 1, *короче* 1). При этом малые промежутки как в символистской, так и в основной модели получают отрицательные оценки, ср.: *Но если ты мгновенным озабочен — / Твой жребий страшен и твой дом непрочен* 1912; *Если все живое лишь помарка / За короткий выморочный день* 1932. В основном же Мандельштам использует названия, передающие большой промежуток, ср.: *долгий* 4, *долго* 5, *дольше* 1 и др.

До сих пор мы рассматривали событие в его целостности; теперь мы переходим к фазам события.

7. Фазы: лексическое поле (66, всего 81)

<становление> (18, всего 23)	недоступно; Стану я совсем другою / Жизнью величаться
<i>стать</i> 4	<i>становиться</i> 1
Как скоро ты смуглянкой стала;	И становятся ветками прутья /
Я рос большим и стал щедушным; Что было поступь — станет	И молочной выдумкой пар

- созревать* 2
Здесь созревает черновик / Учеников воды проточной; И созревающий и тянущийся весь
- зреть* 2
[описание кратера] И под музыку зреют плоды; Флейты греческой тэта и йота / <...> / Зрела, маялась, шла через рвы
- дозреть* 1
Дозреют новые плоды
- спелый* 1 (в стихотворении со сталинской тематикой)
Прошелестит спелой грозой Ленин
- нарастать* 1
И ночь нарастает, унынья и меди полна
- идти* 4 (в разных значениях)
[о теннисе] И опять война идет; *Идут года железными полками; *<...> время, / Как твой корабль ко дну идет; *И все идут, идут / Ночлеги, ночи, ночки — / Как бы слепых везут
- к + *Твор.* 2
(подходить/идти) к концу
- собственно фазы** (48, всего 58)
<начальная фаза> (19)
- начало* 4
Отверженное слово «мир» / В начале оскорбленной эры; Ночного хора дикое начало; В начале стройки ленинских домов; [о зиме] Хороша она испугом, / Как начало грозных дел
- поначалу* 1
Как растет хлебов опара, / Поначалу хороша
- сначала* 1
Феррара черствая! Который раз сначала, / Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеш!
- <в т. ч. **начать/начинать**>
'начальная фаза действия'
- начать* 2
И почему-то мне начало утро армянское снится
- начинать* 2
начинаться 1
И это будет вечно начинаться
'начать существовать (о предмете)'
- начать* 2
начинаться 4
Я не знаю, с каких пор / Эта песенка началась; Жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шепотью
- затаять* 1
Затаял кавардак, перекрутил снежок
- заводить* 1
Как снежок на Москве, заводил кавардак гоголек
- <срединная фаза>** (4)
- середина* 1
Я список кораблей прочел до середины
- продолжаться* 1
[жизнь] И продолжалась она керосиновой мягкою копотью
- продолжать* 2
Пластами боли поднят большевик — / Единый, продолжающий, бесспорный; Шли нестройно — люди, люди, люди, — / Кто же будет продолжать за них?
<конечная фаза, предел> (14)
- конец* 3
Громоздкая опера к концу идет. / <...> / Карету такого-то. Разъезд. Конец; Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу

<i>кончить</i> 1	И до тех пор не кончил танца, / Пока не вышел буйный хмель?	⟨прервать⟩ (11)
<i>кончатся</i> 1	Кончался века первый хмель	<i>неограниченный</i> 1
<i>кончина</i> 1	И пред самой кончиною мира / Будут жаворонки звенеть	Неограниченна еще моя пора
<i>подходить (к концу)</i> 1	Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу	<i>бросить</i> 2 (повел. — <i>брось</i>)
<i>на убыль</i> 1	И неволью на убыль, на убыль / Равноденствие флейты клоню	Брось, Александр Сердцевич / ⟨...⟩ / Брось, Александр Скерцевич, / Чего там! Все равно!
<i>избыть</i> 1	⟨...⟩ золотая забота, как времени бремя избыть	<i>перестать</i> 2
<i>больше нечего</i> 1	Человеческие губы, которым больше нечего сказать, / Сохраняют форму последнего сказанного слова	Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало!
<i>пока не</i> 2	[о подкове] И растирает ее шерстью, пока она не заблестит	<i>оборвать</i> 1
<i>покуда не</i> 2	Уйдем, покуда зрители-шакалы / На растерзанье Музы не пришли!	Еще немного — оборвут / Простую песенку о глиняных обидах
		<i>обрывчивый</i> 1
		И двойного запаха сладость неуживчива: / Борется и тянется — смешана, обрывчива
		<i>довольно</i> 2
		Он сказал: довольно полнозвучья; Довольно кукиться! Бумаги в стол засунем!
		<i>запнуться</i> 1
		Подмигнув, на полуслове / Запнулась зарница
		<i>бросить</i> 1
		Растут, как будто каждый ствол / На арфу начал гнуть Эол / И бросил, о корнях жалея

Фазы событий, становление в целом не характерны для поэтического мира Мандельштама. В основном же Мандельштаму нужны завершенные события, ибо события получают культурную ценность и историческую оформленность только в этом случае. Тем не менее в 18 случаях акцент делается именно на становлении.

Из фаз — 48 словоупотреблений — самой несущественной оказывается срединная (4 употребления); начальная и конечная, 19 и 14 словоупотреблений, как и срединная, передают естественное развитие событий и представлены 37 словоупотреблениями, а на прерывание события приходится 11 словоупотреблений.

3.8.5. Скорость

8. Скорость: лексическое поле (31, всего 41)

<i>скорость</i> 1	Я постепенно скорость разовью	ном водовороте тяжелые, нежные розы; И медленный день, как в соломе проснувшийся вол; О, этот медленный, одышливый простор!; Дубки, чинары, медленные вязы; Поднял медленный Рим-человек; И парус медленный, что облаком продолжен; Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы
<i>постепенно</i> 3	Все перепуталось, и некому сказать, / Что, постепенно холодея / <...> / (см. ↑)	
<i>поспешно</i> 1	И прячутся поспешно в уголки	
<i>быстро</i> 3	Как быстро тучи пробегают / Неосвященную грядой	<i>медленно</i> 4
<i>быстрый</i> 1	Она идет, чуть-чуть опережая / Подругу быстрюю и юношу-погодка	И медленно растет как бы шатер или храм; [о луне] И медленно ей озаряется город дремучий
<i>быстроходный</i> 1	И разворачиваются черепах маневры — / Их быстроходная взволнованная бронь	<i>медлить</i> 2
<i>неторопливый</i> 1	Люблю священника неторопливый шаг	[о душе-Психее] Дохнет на зеркало и медлит передать / Лепешку медную с туманной переправы
<i>торопкий</i> 1	Когда душе и торопкой и робкой / Предстанет вдруг событий глупина	<i>повременить</i> 1
<i>медленный</i> 9	Нет, не соломинка в торжественном атласе / Вкушает медленный томительный покой; В медлен-	А между тем нельзя повременить...
		<i>нерасторопный</i> 1 (см. ↓)
		<i>едва-едва</i> 1
		Нерасторопна черепаха-лира, / Едва-едва беспалая ползет
		<i>наскоро</i> 1
		Клевали наскоро крупу свинцовых крох

В небольшой по численности группе **Скорость** (31 пример) собраны номинации, передающие самые разные скоростные градации, от 'медленной' (20 примеров) до 'быстрой' (10). Однако скорость в идиолекте Мандельштама, как правило, передается не прилагательными или наречиями, а глаголами движения (см. § 2.8.12).

3.8.6. Срок

9. Срок: лексическое поле (25, всего 30)

<i>срок</i> 3	Или свой путь и срок / Я, исчерпав, вернусь; Чудесный звук, на долгий срок; ⟨...⟩ Срок счастья был короче, / Чем взмах ресницы. ⟨...⟩	⟨своевременность⟩ (9)
(не) <i>пора</i> 1	Я скажу это начерно, шепотом, / Потому что еще не пора	<i>вовремя</i> 1 Ты совсем не вовремя раскис
<i>в + Вин.</i> 3	И в пять минут — лопаткой из ведерка — / Я получу свое изображенье / Под конусом лиловой шах-горы	<i>застать</i> 1 Есть имя славное для сжатых губ чтеца — / Его мы слышали и мы его застали
<i>время</i> 2	Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо <i>тысячелетье</i> 1 Все молодежовое его тысячелетье <i>пожизненный</i> 1 А ей — пожизненная крепость! <i>прижизненный</i> 1 Что счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом	<i>успевать</i> 2 [о Москве] И едва успевает грозить из угла; Да едва успеваешь леса посолить
<i>полчаса</i> 2	И вот — проходит полчаса; Ему солей трехъярусных растворы, / И мудрецов германских голоса, / И русских первенцев блистательные споры / Представились в полвека, в полчаса	<i>успеть</i> 2 Золотистого меда струя из бутылки текла / Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела
		<i>спешить</i> 2 Лиру строим, словно спешим / Обрасти косматым руном; [о деревьях] ⟨...⟩ Понять спешу: / До чего аляповаты, / До чего как хороши!
		<i>запоздалый</i> 1 Как подарок запоздалый / Ощути́ма мной зима
		⟨временная дистанция⟩ (2)
		<i>приблизиться</i> 1 И так хорошо мне и тяжело, / Когда приближается миг
		<i>ближе к + Дат.</i> (смерти) 1 И забываем без труда, / То, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года

Срок — небольшая группа номинаций, 25 примеров; объясняется это тем, что в поэзии Манделштама переживание срока наступления — явление редкое, ср. *Или свой путь и срок / Я, исчерпав, вернусь* 1912.

В этом классе слов есть специфические номинации, обозначающие длительность события, *прижизненный, пожизненный*. Группа своевременность/несвоевременность, содержит в основном номинации, обозначающие совпадение, реже — несовпадение со сроком наступления события.

Итак, мы перечислили все категории, которые участвуют во временном оформлении единичного, отдельно взятого события. Теперь мы переходим к организации событий во времени — к повторам событий, порядку следования событий и закономерностям.

3.8.7. Повторяющиеся события

Есть поэты, для которых высшей ценностью обладают неповторимые, уникальные события. Для Мандельштама же как раз наоборот, именно повторы придают ценность событию культуры. **Повторы** в тексте маркируются номинациями подгруппы «собственно повторы». Следующая подгруппа, **кратность** (обстоятельства времени, отвечающие на вопрос «Сколько раз происходило событие?»), имеет несколько предназначений — в частности, расположение однотипных событий в том или ином порядке. Тем самым она перебрасывает мостик к следующему классу слов — порядку следования событий.

10. Повторяющиеся события: лексическое поле (82, всего 91)

⟨**собственно повторы**⟩ (27, всего 33)

повториться 1

Все было встарь, все повторится
снова, / И сладок нам лишь узна-
ванья миг

новый 2

О, Европа, новая Эллада, / Охра-
ный Акрополь и Пирей!; И как
новый встает Геркуланум / Спя-
щий город в сияньи луны

опять 9

И правовед опять садится в са-
ни; И опять война идет, / И
мелькает локоть голый!; Приро-
да — тот же Рим, и, кажется,

опять / Нам незачем богов на-
прасно беспокоить; Козлиным
голосом опять / Поют косматые
свирели; Железный мир опять
заворожен; Набухает, звенит
темь, / И растет и звенит опять;
Опять войны разногласица /
На древних плоскогорьях мира;
Москва — опять Москва. ⟨...⟩

вновь 5

Вновь шелестят ислевшие афи-
ши; А та, Соломинка — быть мо-
жет, Саломея, / Убита жалостью
и не вернется вновь!; Ужели я
предам позорному злословью — /

- Вновь пахнет яблоком мороз — /
Присягу чудную четвертому со-
словью / И клятвы крупные до
слез?; И Фауста бес — сухой и
моложавый / Вновь старику ки-
дается в ребро; Под морозную
пыль образуемых вновь падежей
заново 3
Влажный чернозем Нееры, каж-
дую ночь распаханый заново;
Давайте все покроем заново /
Камчатной скатертью пространст-
ва; Ямы Форума заново вырыты, /
И открыты ворота для Ирода
снова 7
И снова скальд чужую песню сло-
жит / И как свою ее произнесет;
Все было встарь, все повторится
снова; И снова яблоня теряет ди-
кий плод, / И тайный образ мне
мелькает; В Петербурге мы сой-
демся снова; И без тебя мне снова
/ Дремучий воздух пуст; И снова,
паровозными свистками / Разо-
рванный, скрипичный воздух
слит; Снова в жертву, как ягнен-
ка, / Темя жизни принесли
〈кратность〉 (55, всего 58)
- раз* 10 (в т. ч. (первый) раз 3, в по-
следний раз 3)
Но только раз в году бывает раз-
лита / В природе длительность,
как в метрике Гомера; Шумели в
первый раз германские дубы;
Зренья нет — ты зришь в послед-
ний раз
тысяча (раз) 1
Тысячу раз на дню, себе на диво, /
Я должен умереть на самом деле
еще раз 1
Я хотел бы ни о чем / Еще раз
поговорить
- каждый раз* 2
Ты каждый раз, как иностранец,
/ Сквозь рощу портиков идешь
**никогда* 1
Я никогда сильнее / Не чувство-
вал тебя
однажды 3
[лягушки фонтанов] И однажды
проснувшись, расплакавшись
дважды 1
Я должен жить, хотя я дважды
умер
трижды 1
И трижды приснился мужьям
соблазнительный образ
**шестикратно* 1
И шестикратно я в сознании бе-
регу
повторить 2
Легче камень поднять, чем имя
твое повторить!; Вслед за ним
мы его не повторим
повторять 1
Я повторяю еще про себя под
сурдинку
бывать (бывало) 3
Бывало, голубой в стаканах
пунш горит
бывать (бывает) 4
Но только раз в году бывает раз-
лита / В природе длительность,
как в метрике Гомера
изредка 1
Изредка выскочит дельфина ко-
лесо
иногда 1
А иногда пушусь на побегушки
вновь и вновь 1
У изголовья вновь и вновь / Цы-
ганка вскидывает бровь
подчас 1
Подчас природа — серое пятно

возобновить 1

[о звездах] И на мерцанье, писанье и тленье / Возобновляют всегда разрешенье

сызнова 1

Так соборы кристаллов сверхжизненных / Добросовестный свет-паучок, / Распуская на ребра, их сызнова / Собирает в единый пучок

часто 6

Часто пишется — казнь, а читается правильно — песнь; Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом; Все ее торопят часто: / — Ясная Наташа, / Выходи за счастье наше, за здоровье наше!; Тем чаще думал я: из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам...; Когда бы чаще ты та-

ких мужей рожала, / Феррара черствая! (...)

то... то 7

И тело нежное то плавно поднималось, / То грузно падало; То мерзлой рыбою стучит, то хлещет паром; То усмехнусь, то робко приосанюсь; То слышится гармоника губная, / То детское молочное пьянино; То гортанный крик араба, / То бессмысленное «цо»; А она то сжимается, как воробей, / То растет, как воздушный пирог

*новый ('еще один') 5

Товарку новую встречая причитаньем; Бог Нахтигаль, меня еще вербуют / Для новых чум, для семилетних боен; И за полем полей поле новое / Треугольным летит журавлем; Той же росписи новые раны; Дозреют новые плоды

Повторы в поэзии Мандельштама (27 словоупотреблений) в большинстве своем приходятся на циклическую модель времени. Главным образом они связывают событие настоящего с событием прошлого:

повторится 1 — *Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг* 1918, *новый* 2 — *О, Европа, новая* Эллада, / *Охраняй Акрополь и Пирей!* 1916, *И как новый* встает Геркуланум / *Спящий город в сияньи луны* 1918, *опять* 9 — *Природа — тот же Рим, и, кажется, опять* / *Нам незачем богов напрасно беспокоить* 1914, *вновь* 5 — *Вновь* шелестят исплевшие афиши / *И слабо пахнет апельсинной коркой* 1915, *заново* 3, *снова* 7 — *И снова* скальд чужую песню сложит / *И как свою ее произнесет* 1914 (подробнее см. § 3.3.1).

Номинации из рубрики **кратность** (55) передают представление о том, насколько часто происходили однотипные события (здесь полный разброс, от *часто* до *изредка*), в каком количестве, в какой последовательности. Самым употребительным словом подгруппы «кратность» является *раз*, все эти нюансы вносящее, — *Ты каждый раз, как иностранец, / Сквозь рошу портиков идешь* 1914; *Ты-*

сячу раз на дню, себе на диво, / Я должен умереть на самом деле 1933/1934; *Куда же ты? На тризне милой тени / В последний раз нам музыка звучит!* 1921 и др.

Отметим еще, что в этой подгруппе определенное количество повторов (*дважды, трижды, гиперболическое — тысячу раз*) соседствует с неопределенными (*бывало 3 — Бывало, голубой в стаканах пунш горит* 1917).

3.8.8. Последовательность событий во времени

Акцентирование места события в ряду однотипных событий — первое, последнее в некоторой последовательности — в поэзии Мандельштама апеллирует по большей части к историческим периодам, их началу или окончанию.

11. Последовательность событий во времени: лексическое поле (52, всего 59)

⟨первый⟩	доскам широкой сцены / Какая радость впервые шагать!; В нищей памяти впервые / Чуешь вмятины слепые, / Медной полные воды; Сопровождают воскресших и впервые / Приветствовать умерших — их призванье
<i>первый</i> 11	<i>первины</i> 1
Шумели в первый раз германские дубы; Водили музы первый хоровод; Кончался века первый хмель; Прекрасной земли пустотелую книгу, / По которой учились первые люди; С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук	До заповедей роды и первины
<i>первобытный</i> 1	<i>первенец</i> 3
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы / Мне в своей первобытной красе	Конькобежец и первенец, веком гонимый взащей; И русских первенцев блистательные споры (см. ↓)
<i>первостатейный</i> 1	<i>новичок</i> 1
И прямо со страницы альманаха, / От новизны его первостатейной	Он, кажется, дичился умиранья / Застенчивостью славной новичка / Иль звука первенца в блистательном собраньи
<i>новизна</i> 1 (см. ↑)	<i>новый</i> 5
<i>первородство</i> 1	И место новое доходно; Захребетник лишь трепещет / На пороге новых дней; Чтобы новый мир начать; [о небе] Тебе ⟨...⟩ / Всегда высокое и новое / Пере-
Где первородство? Где счастливая повадка?	
<i>впервые</i> 4	
[о Европе] Впервые за сто лет и на глазах моих / Меняется твоя таинственная карта!; По свежим	

дается удивленье; Гром, ударь в
тесины новые

новое 1

— Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
/ Я не Битва Народов, я новое

обнова 2

Весть летит светопыльной обно-
вою /2 р./

<vs. последний>

последний 20

Был выброшен последний мате-
рик; И для меня явление Озеро-
ва — / Последний луч трагичес-
кой зари; Последний час вигилий
городских; В последний раз нам
музыка звучит; Последней звезды
безболезненно гаснет укол; Чело-
веческие губы, которым больше
нечего сказать, / Сохраняют фор-
му последнего сказанного слова;
После бани, после оперы, / Все
равно, куда ни шло, / Бестолко-
вое, последнее / Трамвайное теп-
ло...; Я скажу тебе с последней /

Прямотой: / Все лишь бредни —
шерри бренди, — / Ангел мой
/2 р./; Он куда-то гнал коляску /
До последней хрипоты; Зренья
нет — ты зришь в последний
раз; На подвижной лестнице Ла-
марка / Я займу последнюю ступе-
нь; <...> Из последней мочи /
Я в горсть зажал лишь пепел на-
слаждений; Ведь умирающее те-
ло и мыслящий бессмертный рот
/ В последний раз перед разлу-
кой чужое имя не спасет; Три
черта было — ты четвертый, /
Последний, чудный черт в цве-
ту; И в голосе моем после уду-
шья / Звучит земля — последнее
оружье; Шли товарищи послед-
него призыва / По работе в жест-
ких небесах; Я не хочу среди
юношей тепличных / Размени-
вать последний грош души; Ухо-
дили с последним трамваем /
Прямо за город красноармейцы

Порядок следования событий в поэзии Мандельштама опре-
деляется словами со значением 'первое', 32, и 'последнее', 20,
приблизительно поровну. При этом в словоупотреблении Ман-
дельштама прослеживаются такие тенденции (исторические в
своей основе): первое — это первообразец, за которым следует
продолжение, прекрасный, как и все первое; последнее же оце-
нивается иначе, хотя положительные коннотации при этом со-
храняются: оно трагично как все, что кончается, ср.: *Прекрасной
земли пустотелую книгу, / По которой учились первые люди 1930 vs.
И для меня явление Озерова — / Последний луч трагической зари
1914.*

Следующий класс номинаций, также связанный с повторами,
только не избирательными, а постоянными, регулярными — это
класс закономерностей.

3.8.9. Закономерности

Закономерности, природные ли, культурные ли — все равно, также невероятно близки Мандельштаму как приметы цикличности времени. В этом классе слов представлены в основном контексты без положительных или отрицательных оценок, тем не менее та стабильность и патриархальность, которую воплощает собой циклическое время, имеет для Мандельштама большую ценность.

12. Закономерности: лексическое поле (12, всего 13)

вечно 4

На Авентине вечно ждут царя;
Он слышит вечно шум — когда
взрвели реки / Времен обман-
ных и глухих; Народу нужен
стих таинственно родной, / Чтоб
от него он вечно просыпался;
И, может статься, ясная догадка /
В ее походке хочет задержать-
ся — / О том, что эта вешняя по-
года / Для нас — праматерь гро-
бового свода, / И это будет вечно
начинаться

всегда 4

Есть в лазури слепой уголок, /
И в блаженные полдни всегда, /
Как сгустившейся ночи намек, /
Роковая трепещет звезда; [о не-
бе] Тебе — чужое и безбровое, /

Из поколения в поколение, / Все-
гда высокое и новое / Передает-
ся удивленье; И на мерцанье,
писание и тленье / Возобновляют
всегда разрешенье; И всегда
одышкой болен / Фета жирный
карандаш

каждый 1

Каждую ночь распаханый заново

из + Род... в + Вин. 2

из года в год; из поколения в по-
коление (см. ↑ *всегда*)

по + Дат. 1

Топча по осени дубовые листья, /
<...> / Я вспомню Цезаря пре-
красные черты

Закономерности чаще всего охватывают всю ось времени — это *вечно* 4, *всегда* 4, *каждый* 1:

*Народу нужен стих таинственно-родной, / Чтоб от него он вечно просыпался /
И льянокудрою, каштановой волной — / Его звучаньем — умывался* 1937,
*Есть в лазури слепой уголок, / И в блаженные полдни всегда, / Как сгустившейся
ночи намек, / Роковая трепещет звезда* 1922.

При всей малочисленности слов этого класса он наряду с грамматикой времени показывает значимость закономерностей для мандельштамовского мышления о мире.

3.8.10. «Событийный» сценарий в поэзии Мандельштама

Первые 12 рубрик временного словаря, которые мы только что рассмотрели, в сущности, посвящены событиям и их бытованию во времени. Сценарий для событий также включает в себя пункт, необычный с точки зрения обыденного сознания или привычной логики: события можно рассматривать не во времени, но извлекая их из времени. В поэтическом языке Мандельштама эта операция осуществляется как с помощью грамматики, так и с помощью словообразования, через отглагольные существительные, которых у Мандельштама действительно много. Кроме того, промежутки времени, в которых произошли события, можно «изъять» из реального, физического времени, чтобы оно стало достоянием всего человечества, ср.:

Римских ночей полновесные слитки, / Юношу Гете манившее лоно 1935 (имеется в виду время, когда Гете писал «Римские элегии»).

Есть также два случая, когда конкретное время вместе с *пространством* «расширяется/сжимается». Так, пять дней, когда Мандельштама под конвоем везли в ссылку, слились в один, с пятью головами:

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток / Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах 1935.

Следующий раздел будет посвящен вещам (в широком понимании, включая сюда человека) и их временному оформлению. Заметим — вещи могут рассматриваться и во времени, и вне времени: эта антиномия как раз и стала определяющей для следующего раздела.

3.8.11. Вещи во времени и вне времени: «вещный» сценарий

«Вещи во времени» — это класс из 18 (всего 20) слов, а «вещи вне времени» — из 25 (всего 31) слов. Любопытно, но слова этих на первый взгляд антонимичных классов нисколько не противоречат друг другу: *песня Шуберта* может быть одновременно и *старинной*, и *вечной*.

13. Вещи во времени: лексическое поле (18, всего 20)

старинный 7

И, кажется, старинный пешеход;
Онегина старинная тоска; Не про-
бывал старинного вина; В старин-

ном многоярусном театре; Я ска-
зал: виноград как старинная бит-
ва живет; Старинной песни мир —
коричневый, зеленый, / Но толь-

ко вечно молодой; Так отчего ж
до сих пор этот город довлеет /
Мыслям и чувствам моим по ста-
ринному праву?

старый 10

Но в старом Кельне тоже есть со-
бор; Контора Домби в старом
Сити; И вот, как старая мочала, /
Банкрот болтается в петле; А там
дубовая Валгалла / И старый

пиршественный стол; Человек
бывает старым; Звезда с звез-
дой — могучий стык, / Кремни-
стый путь из старой песни /2 р./;
Доктора кого-то потчуют / Воро-
хами старых «Нив»; Есть у нас
паутинка шотландского старого
пледа

старше 1

⟨...⟩ слух был старше, чем сон

Все слова этой группы описывают продолжительность существо-
вания вещей в мире (18): то, что теперешние вещи были созда-
ны в прошлом, только повышает их ценность в глазах Мандель-
штама, ср.:

старинный 7 — Я не слышал рассказов Оссиана, / Не пробовал *старинного* ви-
на 1914; *старый* 10 — Звезда с звездой — могучий стык / Кремнистый путь
из *старой* песни 1923.

14. Вещи вне времени (вечность во времени): лексическое поле (25, всего 31)

безвременье 1

[о небе и самолетах в нем] А вам,
в безвременьи летающим, / ⟨...⟩ /
Хотя бы честь млекопитающих, /
Хотя бы совесть ластоногих

бессмертный 5

Из блаженного, певучего прити-
на / К нам летит бессмертная вес-
на; В черном бархате советской
ночи, / ⟨...⟩ / Все цветут бессмерт-
ные цветы; Ведь умирающее тело
и мыслящий бессмертный рот /
В последний раз перед разлукой
чужое имя не спасет; Цветы бес-
смертны, небо целокупно, / И все,
что будет, — только обещанье

вечный 12

Я повторяю это имя / Под веч-
ным куполом небес; О, спутник
вечного романа, / Аббат Флобера
и Золя; И евхаристия, как веч-
ный полдень, длится; Не вам, не

вам обречены, / А звездам веч-
ные народы; Но взбитых сливок
вечен вкус; Соборы вечные Со-
фии и Петра; В этой вечной скла-
ке ловить / Эолийский чудесный
строй?; За капором снега, за веч-
ным, за мельничным шумом...;
Одну сонату вечную / Играл он
наизусть...; Где арестованный
медведь гуляет — / Самой при-
роды вечный меньшевик; Веч-
ные сны, как образчики крови, /
Переливай из стакана в стакан...

вечно 4

Англичанин вечно юный; Ста-
ринной песни мир — коричне-
вый, зеленый, / Но только вечно
молодой, / Где соловьиных лип
рокошующие кроны / С безумной
яростью качает царь лесной;
К трубам серебряным Азии вечно
летающая — / Армения, Армения!

<i>воеки</i> 1 Сюда влачится по ступеням / Широкотасмурным несчастья волчий след, / Ему воеки не изменим	<i>долговечный</i> (Урал) 2 И, плачучи, твержу: вся прелесть мира / Ресничного не долговечней взмаха
---	---

Логика Манделъштама при передачи бессмертия вещей отличается от более привычных способов помыслить вещи во времени. Естественно думать, что случившись, пробыв на земле отведенный им срок, вещи исчезают с лица земли. Однако у Манделъштама есть два рода вещей — произведения культуры и самые простые, человеческие (типа *взбитых сливок*), которым обеспечена вечность на земле. И для передачи связанной с этими вещами вневременности используются такие прилагательные и наречия, как

бессмертный 5 — *И бессмертных роз огромный ворох / У Китриды на руках* 1920; *Цветы бессмертны, небо целокупно, / И все, что будет, — только обещаешь* 1937; *вечный* 12 — *Но взбитых сливок вечен вкус* 1920, *За капором снега, за вечным, за мельничным шумом* 1925; *вечно* 4 — *Чтобы вечно ария звучала: / «Ты вернешься на зеленые луга»* 1920 и др.

см. также экзистенциальный сценарий в § 4.4.2; более подробно — Панова 1997.

У мира, земли в поэзии Манделъштама тоже есть временные характеристики: но они не из области эсхатологии (хотя есть и одно исключение — *кончина мира*), а из области истории. Об этом — следующий раздел.

3.8.12. Мир в историческом времени

Время истории представлено в поэзии Манделъштама поделенным не на *часы* и *минуты*, а на *эпохи*, *века*, *тысячелетия*, *эры* (почти все слова, кроме *века*, — из научного, а не поэтического лексикона). «Исторический» класс слов относительно небольшой, но вместе с тем очень показательный.

15. Историческое время: лексическое поле (79, всего 80)

<i>общие понятия</i> (66, всего 68) <i>летоисчисление</i> 1 (см. ↓) <i>эра</i> 3 Отверженное слово «мир» / В начале оскорбленной эры; Хрупкое летоисчисление нашей эры	подходит к концу. / ⟨...⟩ / Эра звенела, как шар золотой <i>век</i> 44 (век-1.1; = век-1.1 в ПЯ) Есть ценностей незыблемая скала / Над скучными ошибками веков (см. ↓)
---	--

столетье/столетие 3

Век мой, зверь мой, кто сумеет /
Заглянуть в твои зрачки / И сво-
ею кровью склеит / Двух столе-
тий позвонки?; Столетьем счи-
тающий год; — Я рожден в ночь
с второго на третье / Января в
девяносто одном / Ненадежном
году — и столетья / Окружают
меня огнем

эпоха 2

Я человек эпохи Москвошвея;
Я говорю с эпохой, но разве /
Душа у ней пеньковая и разве /
Она у нас постыдно прижилась, /
Как сморщенный зверек в тибет-
ском храме: / Почешется — и в
цинковую ванну. / — Изобрази
еще нам, Марь Иванна!

источник 1

А я пою вино времен — / Исто-
чник речи италийской

колыбель 1

И в колыбели праарийской /
Славянский и германский лен!

исконная 1

Завоевателей исконная земля

праарийский 1 (см. ↑)*ветхий* 1

И в ветхом неводе Генисарет-
ский мрак / Великопостыня сед-
мицы

древний 4

Как я ненавижу пахучие древние
срубы; Опять войны разноголо-
сица / На древних плоскогорьях
мира; Сеновала древний хаос /
Защекочет, запорошит...

древность 1

Древность легкая, летняя, на-
глая

фригийский 1

Здесь толпы детские — событий
попрошайки, / Парижских во-
робьев испуганные стайки, / Кле-
вали наскоро крупу свинцовых
крох — / Фригийской бабушкой
рассыпанный горох

〈связь времен〉 (6)*приемник* 1

Служа линейкою приемникам
Петра

получить наследство 1

Я получил блаженное наследст-
во — / Чужих певцов блуждаю-
щие сны

наследник 1

Нет имени у них. Войди в их
хрящ — / И будешь ты наследни-
ком их княжеств

**миновать* 1 (см. ↓)*уйти* 1

И не одно сокровище, быть мо-
жет, / Минуя внуков, к правну-
кам уйдет

**пасынок* 1

[слово-колобок] Черствый пасы-
нок веков

〈наблюдатель (свидетель)〉 (7)*на глазах X-a* 1

[Европа] Впервые за сто лет и на
глазах моих / Меняется твоя та-
инственная карта!

очевидец 2

Ведь купол твой, по слову оче-
видца, / Как на цепи подвешен к
небесам; Но возмужавшего меня,
как очевидца, / Заметила <...>

свидетель 2

Этот воздух пусть будет свидете-
лем; Свидетель медленный тру-
да, борьбы и жатвы

современник 2

Нет, никогда ничей я не был со-
временник; Пора вам знать, я то-

же современник, / Я человек эпо-
хи Москвошвея

Историческое время включает в себя названия исторических делений (*эра, век, эпоха*), а также номинации, метафорические и неметафорические, указывающие на изначальность, исконность, древность (мы уже знаем по предшествующим классам слов ценность таких характеристик в глазах Мандельштама). Слово *век*, самое частотное и семантически нагруженное, разбирается ниже: оно вобрало в себя максимум мандельштамовской историософии и мандельштамовской исторической мифологии.

Расширяют и пополняют этот класс слов названия очевидцев и свидетелей исторических событий, а также номинации с идеей преемственности. Все вместе они как раз и обрисовывают контуры историософской мысли Мандельштама и дают представление о «правильном» развитии истории, имеющей начало, традицию и преемственность, а также установленное и продолжаемое летоисчисление.

Итак, переходим к слову *век* — ключевому для понимания историософии Мандельштама.

3.8.13. Историческое время. Концепт слова *век*

ВЕК (48), полвека (1), вековой (1), вековатъ (1), вовек (1), навеки (1); столетье/столетие (5); всего: 58 (1/114).

Для сравнения:

Пушкин — 58 (1/238) (в т. ч. *век* 49);

Тютчев — 46 (1/115) (в т. ч. *век* 46);

Блок — 53 (1/248) (в т. ч. *век* 36);

Гумилев — 27 (1/251) (в т. ч. *век* 18);

Ахматова — 33 (1/209) (в т. ч. *век* 20).

По своей употребительности слово *век* в идиолекте Мандельштама оставляет позади такие концептуально важные для Мандельштама слова, как *время, вечность*, и «догоняет» такие качественно окрашенные слова, как *день* и *ночь*. Повышенная употребительность этого слова заметна и при сравнении с пятью другими поэтами — она та же, что и у Тютчева, и в два раза выше, чем у четырех других поэтов.

В целом слово *век* в идиолекте Мандельштама полноценно представлено одним употребительным значением, историческим; на два (три?) других, одно из которых — авторское (*век* в значении ‘время’), приходится по одному примеру; о соответствии мандельштамовских значений традиционно-поэтическим (совпадающим с общеязыковыми) мы уже писали в § 3.7.2⁵¹.

Соединение значений ‘столетие’, ‘время’, ‘жизнь’ в мандельштамовском слове *век* не случайно: эти значения отбрасывают тень друг на друга. *Век* — как промежуток в сто лет, равный по своей продолжительности и историческому делению, и человеческой жизни, получает положительные оценки. А *век* как ‘линейное время’, перегрызающее вещи, и как агрессивный ‘XX век’, напротив, получает отрицательные оценки или коннотации.

Толкование

Век-1.1 ‘единица счета (исторического) времени; промежуток времени в сто лет, исчисляя от Рождества Христова’ (44 примера); то же, что *век-1.1* в ПЯ; синонимы *столетие*, *время-2*;

Век-1.2 ‘время-1.1’ (1 пример); синоним *время-1.1*;

Век-2 ‘человеческая жизнь или промежуток времени, который она занимает’ (1 пример [только в составе фразеологизма *коротать свой век*]); то же, что *век-1.3* в ПЯ.

Век-1.1

Век-1.1 — ‘единица счета (исторического) времени; промежуток времени в сто лет, исчисляя от Рождества Христова’ (44 примера), в идиолекте Мандельштама используется для оформления разных смыслов. С одной стороны, *века* даются «в массе», как эквиваленты времени, истории, или прошлого/будущего. Они не описываются каким-то особым образом и редко оцениваются. С другой стороны, *век* в поэзии Мандельштама — это определенная «веха» в истории, т. е. качественный и событийный промежуток времени; здесь-то как раз и начинается мандельштамовская мифологизация веков — образная, оценочная — героями которой становятся два конкретных *века*, XIX и XX. В основе такой

⁵¹ К этому остается добавить, что один пример соответствует общеязыковому значению ‘вечно’, о чем ниже.

обрисовки двух столетий лежит антропоцентрическая концептуализация *века* как промежутка времени, который соразмерен человеческой жизни, который творится человеком и в определенных случаях воздействует на человека. Вот пример на соразмерность *века* человеческой жизни:

[*Это век* [по-видимому, XX век] *волну колышет / Человеческой тоской*], / *И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой 1922* (с аллюзией на мифологический сюжет «Эвридика, укушенная гадюкой»),

и примеры на *век*, творимый людьми — из поэзии и прозы:

Ну что же, если нам не выковать другого, / Давайте с веком вековать 1924; «В отношении к этому новому веку мы являемся колонизаторами. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его те(ле)ологическим теплом — вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века» (ОМ, II: 200—201).

Любопытно отметить, что и сам глагол со значением ‘проживать столетие’, *вековать*, произведен от *века* (пример см. выше).

Итак, *век* как историческое и временное деление (15 употреблений, во все периоды) используется как мера счета времени, ср.:

Ему солей трехъярусных растворы, / И мудрецов германских голоса, / И русских первенцев блистательные споры / Представились в полвека, в полчаса 1934; *Любезный Ариост, быть может, век пройдет 1933*; *А в недорослях кто? Иван Великий — / Великовозрастная колокольня — / Стоит себе еще болван болваном. / Который век <...> 1931*; <...> *Здравствуй, здравствуй, / Могучий некрещеный позвоночник, / С которым проживем не век, не два! 1931*; ср. также — [об армянском народе] *Как люб мне натугой живущий, / Столетьем считающий год, / <...> / К земле пригвожденный народ 1930*.

Во всех остальных случаях (а их 9) *веками* прочерчивается линия времени и истории, или же задаются прошлое и будущее как составные части исторического времени. При этом акцентируется протекание времени (глаголом *пройти* 1920, прилагательными *грядущий* 1920 и *мимолетный* 1937). Специализация *веков* имеет место дважды — в окказиональных сочетаниях *гудеть в глубь веков* 1936 и *жить среди веков* 1914⁵². Заметим, что начало такому слово-

⁵² Специализация *века* представлена и в прозе Мандельштама — «Век — барсучья нора, и человек своего века живет и движется в скупом отмеренном пространстве, лихорадочно стремится расширить свои владения» (ОМ, II: 187).

употреблению было положено еще в символистский период; затем оно было продолжено в акмеистический период (1912—1914) и в 30-е гг.⁵³ Ср.:

[символистский период] *И храм, как корабль огромный, / Несется в пучине веков* 1910; ср. также *И с истлевающих страниц / Притягиваю прах столетий* 1910;

[Айя-София] *И всем векам — пример Юстиниана, / Когда похитить для чужих богов / Позволила Эфесская Диана / Сто семь зеленых мраморных столбов. / <...> / И мудрое сферическое здание / Народы и века переживет* 1912; *Не город Рим живет среди веков, / А место человека во вселенной!* 1914; *Есть ценностей незыблемая скала / Над скучными ошибками веков* 1914; [слово-колобок] *И свое находит место / Черствый пасынок веков* 1922; ср. также — *Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / Ненадежном году — и столетья / Окружают меня огнем* 1937; *Баратынского подошвы / Раздражают прах веков* 1932;

[будущее] *Под маской суровости скрывает рабочий / Высокую нежность грядущих веков* 1920; *У костра мы греемся от скуки, / Может быть, века пройдут, / И блаженных жен родные руки / Легкий пепел соберут* 1920; *За гремящую доблесть грядущих веков, / За высокое племя людей, — / Я лишился и чаши на пире отцов, / И веселья, и чести своей* 1931, 1935;

[референция следующих двух употреблений не ясна — прошлые века или века вообще?] *Гуди протяжно в глубь веков* 1936; *Твой зрачок в небесной корке, / <...> / Он глядит уже охотно / В мимолетные века* 1937.

Оценки, которые вызывают *века* в истории, — от нейтральных до слабоотрицательных (*скучные ошибки веков, прах веков*; ср. также [о слове и, возможно, литературных произведениях] *пасынок веков*).

Для двух веков, XIX и XX, в поэзии Мандельштама дается образно-мифологическое оформление в рамках его историософских воззрений. Для каждого из двух веков — свое. Разграничение этих двух *веков*, затрудненное во многих контекстах, было впервые дано в двух работах — Гаспаров 1991а, Эткин 1991; мы ему следуем.

⁵³ К 30-м гг. в советской поэзии складывается свой канон, в котором *века* (во Мн. ч.) используются для обрисовки отрицательного прошлого и светлого будущего: *Мощным плечам захотелось в шюле / Тяжесть веков встряхнуть поильней* (М. Голодный); *Я подслушал эти песни близких радостных веков / В гулком шуме огнеликих необъятных городов* (Вл. Корнилов). Поддерживается ли словоупотребление Мандельштама этим каноном или совпадает с ним — этот вопрос едва ли поддается однозначному решению.

XIX *век* (9 употреблений, все приходятся на 1922—1924 гг. и встречаются в трех стихотворениях: «Век» (1922), «1 января 1924 года» (1924) и «Нет, никогда, ничей я не был современник» (1924)) концептуализируется прежде всего с эгоцентрических позиций. XIX *век* дважды определяется как *мой*, т. е. через личное притяжательное местоимение; *век* (в этом значении) дважды стоит в позиции обращения, а его состояние (*ушиб*) определяется местоимением *твой*. Далее, отношения сына и отца метафорически переносятся на отношения лирического «я» и *века*, ср.: *с сыновьей нежностью, стареющий сын*; попутно отметим, что в двух стихотворениях Я-субъект и *век* попадают в сюжетобразующие сцены, причем жесты лирического «я» и жесты *века* (метафоризируемого как живое существо) полны символического значения.

Между XIX веком и лирическим «я» — определенный изоморфизм: логика этого изоморфизма такова — понять *век* и его умирание способен лишь тот, кто *потерял себя*.

Но мандельштамовская мифология на этом не кончается. XIX *век* персонифицируется, причем он попадает в два ряда образных аналогий. «Оживотворение» века идет по пути зверообразной метафоризации (*век ← зверь... позвоночник... лапы... следы... зрачки*), одушевление — по пути аналогии с *глиняным* живым существом (*глиняные обиды, глиняная жизнь, глиняный прекрасный фот, глиняное тело*). И в том и в другом случае метафорические аналоги передают родовые, а не видовые характеристики ‘зверя’ и ‘существа’ и отождествить их с конкретным видом не представляется возможным. Общим для двух рядов является акцентирование глаз — *зрачков, век* (здесь имеет место еще и паронимия — «*веку : веки*»⁵⁴), *сонных яблок с перистым огнем*.

Поскольку ко времени написания всех этих стихотворений XIX век (и «исторический», и «календарный», как сказано у Ахматовой) давно кончился, то и в поэзии Мандельштама 20-х гг. он дается с позиций угасания жизненной силы, болезненности, умирания, смертельного ушиба, переломанного позвоночника. В то же время «в фазе расцвета» XIX *век* метафорически представлен

⁵⁴ В мандельштамоведении на основании этой паронимии, а также жеста лирического «я» — поднимания *век* *веку* — неоднократно высказывалось предположение о том, что источником такой метафоризации послужил «Вий» Н. В. Гоголя.

как активное, деятельное начало (*жесток... словно зверь, когда-то гибкий; век-властелин*), а кончающийся XIX век, «в фазе угасания», — как пассивное, жертвенное существо (отсюда большое количество каузативных глаголов отрицательного воздействия — *оборвут... песенку о глиняных обидах; губы оловом зальют*).

Оценки, даваемые XIX веку, всегда положительные (*прекрасный*; ср. также сочувственное *жалкий* [век]). Ср.:

Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки / И свою кровью склеит / Двух столетий позвонки? / <...> / И еще набухнут почки, / Брызнет зелени побег, / Но разбит твой позвоночник, / Мой прекрасный, жалкий век! / И с бессмысленной улыбкой / Вспять глядишь, жесток и слаб, / Словно зверь, когда-то гибкий, / На следы своих же лап. / <...> / И с высокой сетки птичьей, / От лазурных, влажных глыб / Льется, льется безразличье / На смертельный твой ушиб 1922; Кто время [время-2 в значении 'век'] целовал в измученное темя, — / С сыновней нежностью потом / Он будет вспоминать, как спать ложилось время / В сугроб пшеничный за окном. / Кто веку поднимал болезненные веки — / Два сонных яблока больших, — / Он слышит вечно шум, когда взрвели реки / Времен обманных и глухих. / Два сонных яблока у века-властелина / И глиняный прекрасный рот, / Но к млеющей руке стареющего сына / Он, умирая, припадет. / Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох, / Еще немного — оборвут / Простую песенку о глиняных обидах / И губы оловом зальют. / О глиняная жизнь! О умиранье века! / Боюсь, лишь тот поймет тебя, / В ком беспомощная улыбка человека, / Который потерял себя 1924; Два сонных яблока у века-властелина / И глиняный прекрасный рот, / Но к млеющей руке стареющего сына / Он, умирая, припадет. / Я с веком поднимал болезненные веки — / Два сонных яблока больших, / И мне гремящие рассказывали реки / Ход воспаленных тяжб людских. / Сто лет тому назад подушками белела / Складная легкая постель, / И странно вытянулось глиняное тело, — / Кончался века первый хмель. / <...> / И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке / Век умирает, — а потом / Два сонных яблока на роговой облатке / Сияют перфистым огнем 1924.

В прозе Мандельштама осмысление XIX века в целом совпадает с обрисованным выше концептом — с той только разницей, что с персонализацией века соседствует специализация:

«Оглядываясь на весь девятнадцатый век — разбившийся, конченный, неповторимый, которого никто не смеет и не должен повторять, я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство «непомерной стужи», спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночь, в глубокую зиму, где страшная государственность — как печь, пышущая льдом» (ОМ, II: 49).

Переход от XIX века к XX также передается через мандельштамовскую мифологию истории и времени, в которой Я-субъект становится связующим звеном между веками, временами, эпохами, ср.:

Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки / И свою кровью склеит / Двух столетий позвонки 1922, а также *За гремящую доблесть грядущих веков, / За высокое племя людей, — / Я лишился и чаши на пифе отцов, / И веселья, и чести своей* 1931, 1935.

XX век (14 употреблений, все они приходятся на 1922—1937 гг.) концептуализируется в поэзии Мандельштама прежде всего как вышедший из колеи повторов — как нарушение порядка, как разрыв между прошлым и будущим. Отсюда — большое количество отрицательных оценок. Этот век имеет много общих характеристик с (линейным) временем (*временем-1.1*).

В поэзии Мандельштама специально акцентируется наступление нового века — как *рождение* и как *начало нового мира*, ср.:

Чтобы вырвать век из плена, / Чтобы новый мир начать, / Узловатых дней колена / Надо флейтою связать. / Это век волну колышет / Человеческой тоской, / [И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой] 1922; *В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет — читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву* 1931.

Акцентируется и его *господство*, причем и грамматически — в номинативном предложении, и лексически — при помощи олицетворяющей метафоры-приложения (*век-властелин*) и при помощи другой, олицетворяюще-специализирующей метафоры (*быть в сердце века*):

Век. Известковый слой в крови больного сына / Твердеет. Спит Москва, как дореволюционный лафь, / И некуда бежать от века-властелина... / Снег пахнет яблоком, как встарь 1924; *Ну что же, если нам не выковать другого, / Давайте с веком вековать* 1924; *Я в сердце века — путь неясен, / А время удаляет цель: / И посоха усталый ясень / И меду нищенскую цвель* 1936.

В полном согласии с советскими речевыми штампами (но и на основе паронимии «века : веха», а также на основе визуализирующих метафор для XIX века) рождается новая многоуровневая метафора:

Средь народного шума и сбега, / На вокзалах и пристанях / Смотрит века могучая веха / И бровей начинается взмах 1937.

Еще одна метафора, на сей раз пространственная, вводит *околицу века*: околица, как и *век* — *барсучья нора* (из прозы), дает время в терминах ограниченного пространства, в пределах которого пребывает человек:

И стучит по околицам века / Костылей деревянных семейка, — / Эй, товарищество, шар земной! 1937⁵⁵.

Отношение к XX веку у Мандельштама (и его лирического «я») менялось. В 20-е гг. — от идеи, что люди могут изменить его к лучшему (на поэтическом языке Мандельштама эта идея передавалась выражением *вырвать век из плена*⁵⁶ и паронимией *выковать* [век]), Мандельштам пришел к осознанию необходимости *с веком вековать* и осознанию невозможности переместиться в другой век (отсюда — *некуда бежать от века-властелина*):

Век. Известковый слой в крови больного сына / Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь, / И некуда бежать от века-властелина... / Снег пахнет яблоком, как встарь 1924; *Ну что же, если нам не выковать другого, / Давайте с веком вековать* 1924.

В 30-е гг. XX *век* олицетворяет агрессивное, иррациональное начало; он изображается в зооморфной метафоре-приложении *век-волкодав* (дважды), которую можно рассматривать как продолжение и развитие «зооморфной» метафоры «XIX век ← зверь». Предикатная метафора *кидаться на плечи, век-волкодав* в качестве субъекта агрессивного действия и лирическое «я» в качестве объекта агрессии вписываются в мандельштамовскую концепцию времени как разрушительной силы. Другой предикат из этой же серии — *знать взашей*, причем гонимый — А. Белый, ср.:

Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей: / Затихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей... 1931, 1935; *Бал-маскарад. Век-волкодав* 1931; [об Андрее Белом] *Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей / Под морозную пыль образуемых вновь надежей* 1934.

XX *век* встречается еще и в одном игровом примере — когда Я-субъект в ироничной манере извещает, что он по всем внешним атрибутам принадлежит XX веку (напомним в этой связи,

⁵⁵ Другое понимание — *век* как жизнь, на обочину которой отброшены калеки (предложено М. А. Гаспаровым).

⁵⁶ С инструментовкой на В и П.

что в 20-е гг. Мандельштам «открещивался» от роли современника). Такой сюжет передается, в частности, предикатной метафорой *оторвать X-а от века*:

*Пора вам знать, я тоже современник, / Я человек эпохи Москвошвея, — / Смотрите, как на мне топорщится пиджак, / Как я ступать и говорить умею! / Попробуйте меня от **века** оторвать, — / Ручаюсь вам — себе свернете шею! 1931.*

Итак, XX век в поэзии Мандельштама контрастирует с XIX веком — и в тех характеристиках, которые даются этим двум векам и векам вообще, проявляются и историософия Мандельштама (правда, в поэтическом преломлении), и его личная мифология времени и истории. Отметим еще, что Мандельштам с его удивительным языковым чутьем угадывает этимологию *века* (согласно Фасмеру, это ‘сила’, ‘жизнь’, ‘действие’, ‘победа’): изображая XIX и XX века, Мандельштам приписывает первому угасание жизненной силы, а второму — чрезмерную, даже агрессивную жизненную силу.

Век-1.2

Век-1.2 — то же, что ‘время-1.1’ (1 пример) — свидетельствует о том, что концептуализация абстрактного времени и конкретного (XX века) идет в рамках единой мифологии линейного, агрессивного времени:

*Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки / С одинаковой почестью лежат в земле. / **Век**, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы. / Время срезает меня, как монету 1923.*

Век-2

Век-2, ‘человеческая жизнь или промежуток времени, который она занимает’, представлен лишь одним примером, но он согласуется с антропоцентрическим взглядом на *век* как на промежуток времени, соразмерный человеку:

*Одноэтажные дома, / Где одnodумы-генералы / Свой коротают **век** усталый, / Читая «Ниву» и Дюма... 1912.*

NB. Век (наречие) в значении ‘всегда/никогда’ (*век в группе наречий навеки, вовеки*)

Такую трактовку может иметь только один пример, еще не получивший общепризнанной расшифровки в мандельштамоведении, —

И век бы падал векиши легче, / И легче векиши к мягкой речке — / Полнеба в валенках, в ногах... 1937.

Неиспользованные возможности

см. § 3.7.1, 3.7.2.

Я посещал тот край обетованый, / Где золотой блистал когда-то век (Фет); Был Августов высокий век (Гумилев);

Наш век на земле быстротечен (Ахматова);

от века 'с самого начала существования мира' / 'изначально', 'всегда', 'никогда' — Счастливых дней не знав от века (Пушкин); Мой от века заданный друг (Блок); Все пустыни друг другу от века родны (Гумилев); Как будто друг от века милый (Ахматова).

От истории и ее единиц и измерений мы переходим к единицам бытового, считаемого времени.

3.8.14. Измерение времени

Во временном словаре русского языка существует закрытый класс слов (см. Всеволодова 1975), прямое назначение которых — измерять время. Так, *час* — это 'шестьдесят минут', *минута* — 'шестьдесят секунд' и т. д.; в быту также *час* — это еще и промежуток времени, приблизительно равный шестидесяти минутам. *День* ('сутки'), *год*, *столетие*, так же как и *секунда*, *минута*, *час*, могут использоваться и при передаче часового, и при передаче календарного времени. Любопытно отметить, что в поэзии этот закрытый класс слов имеет тенденцию к пополнению, ср.: *А дочери их только восемь весен* (Гумилев), *А пятнадцать блаженнейших весен / Я подняться не смела с земли* (Ахматова).

Как уже отмечалось, в поэзии XIX — нач. XX в. складывается свой узус, во многом отличный от речевого. Он имел своей целью сделать время качественным, психологически достоверным; в поэзии Манделштама он приходит в упадок (цифра 122 словоупотреблений (по всей поэзии — 134) на фоне частотности этого класса слов у других поэтов выглядит как небольшая, подробнее см. § 3.7).

16. Единицы времени: лексическое поле

(73, всего 82; с веком и столетием — 122, всего 134)

миг 1 (= миг-1 в ПЯ)

Я б с ней сработался — на век,
на миг один

мгновенье 1 (= мгновение-1 в ПЯ)

Еще одно мгновенье, / И я скажу тебе:
/ Не радость, а мученье / Я нахожу в тебе

миг 4 (= *миг*-2 в ПЯ)

Вот дароносица, как солнце золотое, / Повисла в воздухе — великолепный миг; И сладок нам лишь узнавания миг; И так хорошо мне и тяжело, / Когда приближается миг; И бьет в глаза один атлантов миг

мгновение 1 (= *мгновение*-2 в ПЯ)

Я не искал в цветущие мгновенья / Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз

минута 5 (= *минута*-1 в ПЯ)

И с отвращением глядит на круг минут...; *В тебе все прихоть, все минута; И в пять минут — лопаткой из ведерка — / Я получу свое изображение; Ни на минуту не веря в разлуку, / Кажется, я поклонился ему; И, может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит

минута 1 (= *минута*-3 в ПЯ)

В такие минуты и воздух мне кажется карим

час 8 (= *час*-1.1 в ПЯ) (в т. ч. *полчаса* 2)

И каждый час нам смертная година; Последний час вигилий городских; (...) Пронеслась ватага / **Часов** добра и зла, как пена в пене; *Я сердцем виноват — и сердцевины часть / До бесконечности расширенного часа. / Час, насыщающий бесчисленных друзей, / Час грозных площадей с счастливыми глазами...

час 4 (= *час*-1.2 в ПЯ)

«Который час?» — его спросили здесь / А он ответил любопытным: вечность; Уже светло, поет сирена / В седьмом часу утра; Но этот час

уж недалек: / Я отряхну мои печали; Так вот бушлатник шершавую песню поет / В час, как полоской заря над острогом встает

час 1 (= *час*-1.4 в ПЯ)

В часы бессонницы предметы тяжелее

час 2 (= *час*-1.5 в ПЯ)

Он потрясен чудовищным набатом, / И в грозный час, когда густеет мгла, / Немецкие поют колокола: / — Что сотворили вы над реймским братом?; (сталинская тематика) Непобедимого, прямого, / С могучим смехом в грозный час

час 2 (= *час*-1.7 в ПЯ)

Двенадцать месяцев поют о смертном часе / 2 р./

година 2

И каждый час нам смертная година; Не к вам влечется дух в годины тяжких бед

день 13 (*день*-2.1, = *день*-1.1 в ПЯ)

И двести дней провел в стране субботней, / Которую Арменией зовут

день 2 (*день*-2.2, = *день*-1.3 в ПЯ)

В дни ранней пахоты черна до синевы; На пороге новых дней

день 1 (*день*-2.3, = *день*-1.4 в ПЯ)

Промчались дни мои — как бы оленей / Косящий бег (...)

сутки 1

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток / Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах

будни 1

О, будни — пляска дикарей!

месяц 3 (см. ↑)

год 14 (= год-1 в ПЯ)

Как пчелы, вылетев из улья, / Роятся цифры круглый год; Но только раз в году бывает разлита / В природе длительность, как в метрике Гомера; Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы; Кто лучше песнь твою поймет, / Чем католический священник / В июле, в урожайный год!; Прославим, братья, сумерки свободы, / Великий сумеречный год!; Все шелушиться им советской сонатинкой, / Двадцатый вспоминная год; Как шапка холода альпийского, / Из года в год, в жару и лето, / На лбу высококом человечества / Войны холодные ладони; Столетьем считающий год; В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет — читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву; Держу в уме, что нынче тридцать первый / Прекрасный год в черемухах цветет; Идут года

железными полками; И в кулак зажимая истертый / Год рожденья — с гурьбой и гуртом; — Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / Ненадежном году <...>

год 1 (= год-2 в ПЯ)

А подрастут они — то разве года два / Держалась на плечах большая голова!

год 3 (= год-3 в ПЯ)

Американка в двадцать лет / Должна добраться до Египта; Чуть-чуть неловки, мешковаты, — / Как подобает в их лета, — / Кто мяч толкает угловатый, / Кто охраняет ворота...; И забываем без труда / То, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года

год 1 (= год-4 в ПЯ)

Восходишь ты в глухие годы, / О солнце, судия, народ

век 1 (век-2, = век-1.3 в ПЯ)

См. также век 46, столетье 3, лексическое поле **Историческое время**

Подробное описание этой группы слов уже было дано, в разделе 3.7.1. Отметим, что время для Мандельштама чаще измеряется *веками* и *годами*, т. е. большими историческими делениями. Что же касается малых временных делений, то чем они меньше, тем меньше их ценность в глазах Мандельштама: *часов* в идиоме Мандельштама существенно больше, чем *минут*, *мигов* и *мгновений*.

Следование речевому и поэтическому узусу можно наблюдать у Мандельштама в 16 случаях, когда при единицах времени появляются числительные, ср.:

[ласточки] *Четыре дня* они висели, / Не зачерпнув воды крылом 1915; *А подрастут они — то разве года* два / Держалась на плечах большая голова! 1923.

И все же Мандельштам отдает предпочтение качественной характеристике конкретных промежутков времени (например, та-

ким — *В часы бессонницы предметы тяжелее, / Как будто меньше их — такая тишина* 1916) перед точным обозначением часового или календарного времени (*И в декабре семнадцатого года / Все потеряли мы, любя* 1917). Нельзя не отметить в этой связи, что в идиолекте Мандельштама благодаря разной качественной характеристики *миг* и *мгновение* сильно расходятся по своим контекстам. *Миг* представляет собой особый сгусток времени, который несет прозрение, ср.: *Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг* 1918, *И бьет в глаза один атлантов миг* 1936—1937 (то же назначение — у полдня и полночи). *Мгновение* же обозначает просто короткий промежуток времени и, как и все краткое и непостоянное, может сопровождаться отрицательными характеристиками, ср. ранний символистский пример — *Пускай мгновения стекает муть* 1909. Краткость минуты также обыгрывается Мандельштамом — как воплощение женской переменчивости: *Так не старайся быть умней, / В тебе все прихоть, все минута* 1920.

От единиц времени мы переходим к тому, какими количественными средствами они измеряются.

17. Меры времени; количество времени: лексическое поле (45)

<i>мера</i> 3	И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой (см. ↓)	дивлюсь на свет еще немного, / На детей и на снега; Утомленные следы / Постоят еще немного / Без покрова, без слюды
* <i>мериться</i> 1	[звук] Что льется вспять, еще леньясь и мерясь / То мерой льна, то мерой волокна	<i>немножко</i> 1 [желток] Он побелел, он изнемог, / И все-таки еще немножко
	⟨количественный аспект⟩ (32)	<i>понемногу</i> 3 И за решеткой заповедной / Пустеет понемногу сад; Понемногу челядь разбирает / Шуб медвежьих вороха; Понемногу тает звук
<i>почасно</i> 1	И Фауста бес — сухой и моложавый — / ⟨...⟩ / И подбивает взять почасно ялик	<i>сколько бы</i> 1 [о звездах] Сколько бы им ни хотелось мигать
<i>немного</i> 4	Еще немного — оборвут / Простую песенку о глиняных обидках; И еще грибы-волнушки / ⟨...⟩ / Вдруг поднимутся с опушки — / Так, немного погода; По-	<i>который</i> (век) 1. [Иван Великий, колокольня] Стоит себе еще болван болваном / Который век ⟨...⟩

пол-3

И вот — проходит полчаса; Ему
солей трехъярусных растворы, /
И мудрецов германских голоса, /
И русских первенцев блиста-
тельные споры / Представились
в полвека, в полчаса

один 2

Я б с ней сработался — на век, на
миг один; Еще одно мгновенье

два 2

А подрастут они — то разве года
два / Держалась на плечах боль-
шая голова; Здравствуй, здравст-
вуй, / Могучий некрещеный по-
звоночник, / С которым прожи-
вем не век, не два!

четыре 1

[ласточки] Четыре дня они висе-
ли, / Не зачерпнув воды крылом

пять 3

⟨...⟩ Сплошные пять суток, /
Я, сжимаясь, гордился простран-
ством за то, что росло на дрож-
жах; И в пять минут — лопаткой
из ведерка — / Я получу свое изо-
браженье ⟨...⟩; А со мною жена
пять ночей не спала, / пять ночей
не спала, трех конвойных везла

семи-1

Бог Нахтигаль, меня еще вербу-
ют / Для новых чум, для семи-
летних боен

семьдесят 1

Давай же с тобой, как на плахе, /
За семьдесят лет начинать

двадцать 1

Американка в двадцать лет /
Должна добраться до Египта

сто лет 3

[о Европе] Впервые за сто лет и
на глазах моих / Меняется творя
таинственная карта!

столетний 1

И словно из столетней летаргии /
Очнувшийся сосед мне говорит

**столетник 1*

Цветущий папоротник, парус-
ник, столетник

двести 1

И двести дней провел в стране
субботней, / Которую Арменией
зовут

погодок 1

Она идет, чуть-чуть опережая /
Подругу быструю и юношу-по-
годка

⟨часы⟩ (9)*часы 9*

Я слушаю, как снежный ком рас-
тет / И вечность бьет на камен-
ных часах; Когда показывают во-
семь / Часы собора-исполина;
Пусть в душной комнате, где
клочья серой ваты / И склянки с
кислотой, часы хрипят и бьют;
Что поют часы-кузнечик; Я под-
тяну бутылочную гирьку / Ку-
хонных крупно скачущих часов;
Часы песочные желты и золоти-
сты /2 р./; И вы, часов кремлев-
ские бои; — Рабу не быть рабом,
рабе не быть рабой, — / И хор
поет с часами рука об руку

Класс **меры времени** представляет измеряемое время — как в аспекте мер времени (ср. *мера*), так и в собственно количественном аспекте. Закономерен вопрос: что именно измеряется в поэзии Мандельштама? Это могут быть бытовые события (Мандель-

штама везут в ссылку — ⟨...⟩ *Сплошные пять суток*, / *Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах* 1935), а также исторические (*Бог Нахтигаль, меня еще вербуют / Для новых чум, для семилетних боен* 1932). Среди количественных показателей 10 выражают приблизительное количество времени, а 15 — точное.

В поэзии Манделштама обращает на себя внимание употребительность слова *часы*, а также многообразие часов — от песочных до настенных.

До сих пор мы рассматривали бескачественное время, не зависимое от событий. Тем не менее в идиолекте Манделштама представлено и качественно-событийные промежутки времени.

3.8.15. Качественное время

18. Событийно-заполненные промежутки времени: лексическое поле (35, всего 37)

* <i>период</i> 1	⟨время (в т. ч. свободное) и его заполнение⟩ (5)
Период без тягостных сносок, / Единый во внутренней тьме	
⟨период, полностью занятый дей- ствием⟩	<i>досуг</i> 2
<i>война, военный</i> (астры); <i>битва</i> 2, <i>по- ход; свадьба, пахота</i> (дни ранней па- хоты); <i>вигилиш; будни; урок</i> (фортепья- нный); <i>ночевать</i>	А я люблю его неистовый досуг — / Язык бессмысленный, язык со- лено-сладкий; Я помню все: не- мецких братьев шеи / И что ли- ловым гребнем Лорелеи / Санов- ник и палач наполнил свой досуг
<i>праздник</i> 3 (праздник черных роз; скифский праздник), * <i>празднество</i> (Расина) 1, <i>праздничный</i> 1 (мостовая)	<i>наполнить</i> 1 (см. ↑)
<i>Евхаристия</i> 1; <i>Великопостная седмица</i> 1; <i>Рождество</i> 1; <i>Воскресенье</i> 1 ⁵⁷	<i>пережить</i> 1
<i>целый</i> 2	О смутно пережитом дне
Целую ночь, целую ночь на страже	<i>проводить</i> 1
<i>весь</i> 6 (всю ночь напролет; всю жизнь; весь день)	Что проводили дни, как сон, / В пленительных занятиях; И две- сти дней провел в стране суббот- ней, / Которую Арменией зовут
В таверне воровская шайка / Всю ночь играла в домино	⟨располагать / не располагать сво- бодным временем⟩ (2)
	<i>некогда</i> 1
	Ей некогда: она сегодня в няньках
	<i>недосуг</i> 1
	Что-то вспомнить недосуг

⁵⁷ А также *рождественский* (елки)
из ранней поэзии.

Качественное время передается, прежде всего, названиями праздников/будней. В поэзии Мандельштама встречаются номинации, в большей или меньшей степени связанные с понятием качественного времени. Это прежде всего *праздник* (3 примера), *будни*, *празднество Расина*, а также название видов деятельности, заполняющих различные по протяженности промежутки времени. Несколько особняком стоят слова, обозначающие свободное время — *досуг* 2 и способ его заполнить, ср.:

А я люблю его неистовый досуг — / Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий 1933; *Я помню все: немецких братьев шеи / И что лиловым гребнем Лорелеи / Садовник и палач наполнил свой досуг* 1935. Ср. также *почевать, проводить дни* и др.

Качественный аспект передают и другие временные слова, такие как *миг, мгновение, час* и т. д., см. выше.

Итак, мы рассмотрели многочисленные, но малоупотребительные номинации, передающие различные аспекты временного оформления мира в поэзии Мандельштама. Среди типично мандельштамовских тенденций можно отметить пренебрежение точной, бытовой хронологией, интерес к историческому времени.

3.9. ВРЕМЯ В КОСМОЛОГИИ МАНДЕЛЬШТАМА

3.9.0. Суточное и годовое время: Общие наблюдения

Едва ли можно поспорить с тем, что в поэзии (лирике) существует свой отсчет времени и свое измерение времени. Как уже отмечалось, для лирики важен сколок с действительности, несущий в себе приметы того или иного времени, а не само физическое (реальное) время. И чем больше во временных словах живописных примет, чем сильнее в них качественный аспект, тем более они соответствуют природе поэзии. Живописные приметы, вне всякого сомнения, есть в семантике таких слов, как *утро* и *ночь*. О том, что русская поэзия XIX — нач. XX в. оказывает предпочтение именно таким временным словам, свидетельствуют наши подсчеты (по лирике Пушкина, Блока, Ахматовой, Гумилева, Мандельштама).

До сих пор мы писали о том, что временных обозначений и особенно временных обстоятельств у Мандельштама мало. И толь-

ко группы слов «Суточное время» и «Годовое время» представлены у Мандельштама достаточно полно: во-первых, это те же самые слова, что и у других поэтов, а во-вторых, по своей частотности они приближаются к количеству словоупотреблений в других идиолектах. Именно о них и пойдет речь.

В русской поэзии XIX — нач. XX в. самыми распространенными и самими используемыми среди всех временных номинаций были названия суточного и годового времени (о *зиме* и *лете* в русской поэзии см. Эпштейн 1990: 169—186). Вообще, во всем временном словаре это самые многофункциональные слова. Они могут служить и средством отсчета времени (по календарю), и мерой времени, и показателями цикличности, и показателями линейности. Взаимоотношения поэта со временем проверяются прежде всего на этом мини-словаре.

Мы начнем с небольшой лингвистической и культурологической преамбулы. Считается, что в языке в семантике названий суточного времени и времен года так или иначе прописано движение солнца. Вот образцы толкований для рассматриваемых слов, данные Анной Вежицкой:

Суточное время

День-1 — ‘мир, часть которого солнце, дающее людям возможность видеть’;

Ночь — ‘мир, часть которого не есть солнце, дающее людям возможность видеть’;

День-2 — ‘мир, о котором можно думать как о двух мирах: день-1, ночь’.

Годовое время

Лето — ‘мир, часть которого солнце, дающее существам на земле тепло’;

Зима — ‘мир, часть которого не есть солнце, дающее существам на земле тепло’;

Год — ‘мир, о котором можно думать как о четырех мирах: весна, лето, осень, зима’ (Wierzbicka 1972: 118—120).

Итак, природные циклы создаются двумя группами слов: малый круг равен *дню* (‘суткам’), т. е. он образуется сменой *утра*, *дня* (‘солнечной части суток’), *вечефа*, *ночи*. Большой круг равен *году*, и образуется он сменой *зимы*, *весны*, *лета* и *осени*. Время в виде регулярных циклов, размеренной череды дня и ночи (малый круг) или времен года (большой круг) еще не отделено от пространства (или от природы). Вот почему его можно смело считать самым

первым временем, которое было дано почувствовать (и увидеть) человеку: как известно, ориентация во времени осуществляется в первую очередь по движению солнца. Так, у Платона читаем:

«Поскольку же день и ночь, круговорот месяцев и годов, равноденствия и солнцестояния зримы, глаза открыли нам число и побудили исследовать Вселенную» («Тимей»).

За «природной» цикличностью стоит изначально заданный, неизменный порядок, который человеку никоим образом не подвластен. Эта цикличность легла в основу не только мифологического (кругового) времени ритуалов и обрядов, но она проникла и в космогонические (а позже и исторические) описания. В космогонии того же Платона — это великий пифагорейский год, состоящий из нескольких стадий, который проходит космос, от выделения из хаоса и становления, до распада (т. е. хаоса). В истории — это описание цивилизаций, также проходящих соответствующие стадии, становления, расцвета и упадка. Кстати говоря, эту цикличность мы уже наблюдали в поэзии Мандельштама по разбору слова *солнце* (§ 1.4.5).

Итак, названия суточного времени обозначают, прежде всего, время-пространство, т. е. хронотоп. Тем самым у каждого из периодов есть свои особые приметы, что как раз и дает возможность типизации и обобщения, свойственной поэзии, ср.: *Но наше северное лето / Карикатура южных зим* (Пушкин). Но, хотя мы и знаем приметы, скажем, *вечера* (закат солнца, наступающая темнота и др.), четко отграничить один период от другого (например, *вечер* от *ночи*) мы не можем. В природных циклах один период плавно перетекает в другой, проходя этапы становления, расцвета и угасания, причем угасание одного периода — это становление другого.

В поэзии названия суточного времени и времен года (на стыке времени и пространства) могут подвергаться или дальнейшей темпорализации (например, *Двадцать первое. Ночь. Понедельник* (Ахматова)), или дальнейшей специализации (например, *глухая ночь*). Пространственный и образный потенциал, свойственный суточному и годовому времени, сохраняется и приумножается в художественной литературе, ср.: *Недвижим теплый воздух — ночь лимоном / И лавром пахнет <...>* (Пушкин). Поэтическая «обработ-

ка» годовых и суточных номинаций на этом не оканчивается: она также включает в себя персонификацию и символику — как традиционную (*весна* как обозначение юности/молодости), так и индивидуально-авторскую (например, *весна* как атрибут Прекрасной Дамы в поэзии Блока).

Итак, возможностей, как названных, так и не названных нами, много. Что же выберет Мандельштам? Общая тенденция его поэзии — это уход от темпорализации, хотя, безусловно, есть и такие номинации (*И, как слепые, ночью* долгой / *Мы смеем бессолнечную пьем* 1917), в сторону специализации и живописной передачи жизни природы, времени (*Утро, нежностью бездонное, / Полуявь и полусон, / Забытье неуголенное, / Дум туманный перезвон...* 1911). Кроме того, в поэзии Мандельштама передаются индивидуальные и традиционные аспекты восприятия суточного и годового времени. Так, *ночь* для Мандельштама — ‘время творчества’, а *день* — ‘бесполезно потраченное время’; в «Грифельной оде» такая концептуализация получает следующие образные эквиваленты — *день* по-тютчевски *пестрый*, а *ночь*-коршунница *несет... мел*, символ и инструмент поэтического творчества: *Как мертвый шершень возле сот, / День пестрый выметен с позором, / И ночь-коршунница несет / Горящий мел и грифель кормит* 1923. Другой пример — *зима* и жизнь человека в этот период: *Кому зима — арак и пуши голубоглазый, / Кому — душистое с корицею вино* 1922. Для *зимы* и особенно для *весны* в идиолекте Мандельштама вырабатывается еще и индивидуально-авторская символика. *Весна*, например, символизирует вечность классического искусства, прекрасного и неповторимого, бессмертного:

Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина 1915; *Бежит весна топтать луга Эллады, / Обула Сафо пестрый сапожок* 1919; *Из блаженного, певучего притина / К нам летит бессмертная весна* 1920.

3.9.1. Суточное время

Мандельштам-символист использует слова этой группы точно так, как это делали его предшественники-символисты. Например, совмещает *день* и *ночь* в одном контексте, создавая ситуацию контраста: *Когда глаза / Горят, как свечи, / Среди белого дня?* 1909; *И, словно ночь, на день* нахлынула / *Холмов холодная черта* 1909.

Также Мандельштам вслед за символистами рисует наступление и окончание этих временных периодов — в частности *дня*: *И день сгорел, как белая страница: / Немного дыма и немного пепла* 1911. Символистские принципы словоупотребления появляются и в последующие периоды творчества Мандельштама. Это касается и контраста *дня* и *ночи* (*И среди бела дня останусь я в ночи* 1917), и метафорической передачи наступления утра, вечера, а также дня:

И серую ласточкой утро в окно постучится 1920; *Когда на жесткие постели / Ложилось бремя вечеров* 1936; *И сквозь прозрачное рядно / Молочный день глядит в окно* 1925 и т. д.

Отметим еще, что *день* у раннего Мандельштама был воплощением несовершенства мироздания, вот образный ряд этого слова: *Светит день холодный и недужный. / <...> / Как сквозит и в облаке тумана / Ярких дней сияющая рана* 1911; а *вечер*, *утро* и *ночь*, напротив, получали положительно окрашенные характеристики. В последующие периоды отрицательные и слабоотрицательные контексты для *дня* сохраняются.

Но символистская традиция не всегда получала продолжение в дальнейшем творчестве Мандельштама. Так, из поэтического словаря Мандельштама 1912—1937 гг. практически уходят *утро* и *вечер* (в основной модели 5 употреблений, в символистской — 4, к которым добавляется *вечерний* 3, *вечереющий* 2, *вечереть* — 2). По-видимому, для Мандельштама эти слова только в символистский период были притягательны своей символикой⁵⁸; в дальнейшем он использует их преимущественно как временные ориентиры — *С утра до ночи «яблочко» поется* 1920. Отметим еще, что становление утра и вечера также передается словами с «природной» семантикой:

⁵⁸ Обратим внимание на тот факт, что Мандельштам принадлежал к поколению, воспитанному на культуре символизма, в которой *утро* и *вечер* были исполнены глубочайшего смысла, ср.: «Эти же тайны, тайна Вечера и тайна Утра, — грани Времени. Так гласит о том великая летопись мира — Библия. На протяжении первых глав Книги Бытия и до последних Апокалипсиса развертывается космическая история, — от вечера мира и до утра его» (Флоренский 1990: 22). И кстати говоря, в поэзии Ахматовой и Гумилева символистская традиция находит свое продолжение (это касается в первую очередь *вечера*, который у Ахматовой даже стоит в заглавии сборника).

закат 1, зарница 1, заря 5 — Так от *зафи* и до *зафи*, / В силках науки и забавы,
/ Томятся дети-дикари 1913, рассвет 2 — Я должен *рассвета* в дремучем ак-
рополе ждать 1920, светать 1 — Уже *светает*. Шумят сады зеленым теле-
графом 1931.

Итак, можно предположить, что Мандельштаму в постсимво-
листской поэзии не нужны были полупризнаки, т. е. *утро* и *вечер*, а
нужна полнота признаков — в значении слов *день* (46) и *ночь* (62).
Подробное описание мандельштамовских концептов *дня* и *но-
чи* — в двух следующих разделах.

3.9.2. Качественное и считаемое время. Концепт слова *день*

День (48), *денек* (1), *днем* (2), *дневной* (1); *сутки* (1); *будни* (1); *все-
го*: 54 (1/122).

Для сравнения:

Пушкин — 180 (1/73);

Тютчев — 145 (1/46);

Блок — 123 (1/107);

Гумилев — 58 (1/119);

Ахматова — 81 (1/84).

И в общеупотребительном языке, и в поэтическом языке у
слова *день* выделяются пять значений.

День-1.1 — ‘промежуток времени, в течение которого земля обращается во-
круг солнца, от рассвета до рассвета’ — *Летели дни, крутятся проклятым
роем* (Блок);

День-1.2 — ‘единица измерения (календарного) времени; день-1.1, в который
происходит или отмечается какое-либо знаменательное событие’ — *Я
этот день люблю и праздную* (Ахматова);

День-1.3 — ‘большой промежуток времени, выделяемый по какому-либо ха-
рактерному признаку и не имеющий четких границ’ — *Притаилось пробу-
ждение / Дней, тоскливых для меня* (Блок); *Но узнаю тебя, начало / Высоких и
мятежных дней* (Блок);

День-1.4 — ‘человеческая жизнь или промежуток времени, который она
занимает’ — *Минувших дней младые были / Пришли доверчиво из тьмы*
(Блок) (подробное описание этих четырех лексем — в § 3.7.1);

День-2 — ‘светлая часть дня-1.1’ — *Дни и ночи я безволен, / Жду чудес, дремлю
без сна* (Блок); *День золотой дремал на грудах щебня, / А за глухим забором —
итподром / Под солнцем зеленел (...)* (Блок); *День обессиленный погас* (Блок).

В идиолекте Мандельштама представлены не все эти значения
(см. § 3.7.2).

По поводу внутренней семантической организации значений в идиолекте Мандельштама необходимо сделать следующие замечания. Если в русской поэтической традиции у слова *день* два организующих центра — *день-1.1* ('единица счета времени') и *день-2* ('светлая часть суток'), то в идиолекте Мандельштама этот центр один. *День* как 'светлая часть суток' — основное значение этого слова в идиолекте Мандельштама, т. е. на него расходуется больше половины употреблений. В идиолекте Ахматовой на это значение приходится всего лишь 15%, в идиолекте Гумилева — 32%. За счет того, что преобладает значение 'светлая часть суток', доминирующим является Ед. ч. (76%), тогда как в идиолектах Ахматовой и Гумилева на Ед. ч. приходится чуть больше половины употреблений (58 и 57%).

Соответственно, мы были вынуждены и в толковании отразить такое положение дел и присвоить *дню* 'светлой части суток' индекс 1, а *дню* 'суткам' — индекс 2. Далее, концептуализация *дня* 'светлой части суток' в идиолекте Мандельштама идет через солнце, свет (а концептуализация *ночи* — через их отсутствие). Поэтому мы воспользовались не теми толкованиями, которые предлагаются в разделе 3.7.1, а толкованиями А. Вежбицкой —

День-1 — 'мир, часть которого солнце, дающее людям возможность видеть'; *Ночь* — 'мир, часть которого не есть солнце, дающее возможность людям видеть'; *День-2* — 'мир, о котором можно думать как о двух мирах: день-1, ночь'.

В символистский период поэзии Мандельштама представлено преимущественно первое значение — *день-1*, 'светлая часть суток' — то, которое останется главным и в дальнейшем. При этом уже в ранний период намечается та «дневная» топика, которая будет продолжена в интересующие нас периоды.

Последнее замечание будет касаться совпадения мандельштамовских употреблений с речевым узусом. Привычные для речевого узуса употребления, не отклоняющиеся от речевой нормы или лишённые дополнительных «красок» составляют приблизительно 30% по всей поэзии Мандельштама.

Толкование

День-1 — 'мир, часть которого солнце, дающее людям возможность видеть' (около 30 примеров); то же, что *день-2* в ПЯ; антоним — *ночь*;

День-2.1 — ‘мир, о котором можно думать как о двух мирах: день-1, ночь; единица измерения времени’ (13 примеров); то же, что день-1.1 в ПЯ; синоним *сутки*; видовое обозначение *будни*;

День-2.2 /только Мн. ч./ — ‘большой промежуток времени, выделяемый по какому-либо характерному признаку и не имеющий четких границ’ (2 примера); то же, что день-1.1 в ПЯ;

День-2.3 /только Мн. ч./ — ‘человеческая жизнь или промежуток времени, который она занимает’ (1 пример, только в переводе); то же, что день-1.4 в ПЯ.

День-1

День-1, ‘мир, часть которого солнце, дающее людям возможность видеть’ (около 30 примеров), концептуализируется по-разному — как единица времени (здесь есть некоторое количество переходных значений между *днем-1* и *днем-2.1*), как материальный «густок» света и пространства, как хронотоп и даже как стихия. В большинстве случаев такая концептуализация не выходит за пределы поэтической традиции.

Темпорализация *дня* в идиолекте Мандельштама следует речевому узусу⁵⁹ — в том, что касается конструкций (это, например, Вин. временной, конструкции с кванторными словами (*весь*) и показателями итеративности (*тысячу раз*)). Она также следует русской поэтической традиции — в типовых контекстах; один из таких контекстов — соположение *дня* и *ночи*; другой — словосочетание *проводить день/дни, переживать дни*:

И вам спасибо! И дни, и ночи / Мы строим вместе <...> 1920; Благословенны дни и ночи те 1937;

Тысячу раз на дно себе на диво / Я должен умереть на самом деле / И воскресая так же сверхобычно 1933—1934; Весь день твержу: печаль моя жирна... 1934;

И нет рассказчика для жен / В порочных длинных платьях, / Что проводили дни как сон / В пленительных занятиях 1932; [бедуины] Слагают вольные былинны / О смутно пережитом дне 1913.

День в поэзии Мандельштама-акмеиста один раз предстает как зияющее отсутствие: *Как бы цезурой зияет этот день: / Уже с утра*

⁵⁹ К традиционным средствам относится и наречие *днем* — *Видит ночью ряд колод, / Днем казавшихся домами 1937; Страны-земли, где смерть умрет, как днем сова... 1937.*

покой и трудные длинноты 1914⁶⁰. Во всех остальных контекстах, исключая описанные выше темпоральные, он материализован. Это прежде всего такие случаи, когда *зимнему дню* приписываются вещественные или пейзажные характеристики. Так, желтизна *дня* в поэзии Мандельштама становится приметой петербургского (ленинградского) пейзажа:

[в Петербурге — Ленинграде] *Узнавай же скорее декабрьский денек, / Где к зловещему дегтю подмешан желток* 1930; *Я пью за военные астры, за все, чем корили меня, / За барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня* 1931; *Нынче день какой-то желторотый — / Не могу его понять* 1936.

В петербургских примерах *день* — это своего рода хронотоп, причем, судя по контекстам, пространственные и живописные смыслы заглушают собственно временные.

День как материальный сгусток света и пространства продолжает линию словоупотребления русского символизма и, в частности, Блока; так, Мандельштам использует символистский предикат для *дня* — *светить*, который в раннем стихотворении развивается в метафору *сияющая рана дней*:

Светит день холодный и недужный. / <...> / Как сквозит и в облаке тумана / Ярких дней сияющая рана 1911.

От поэтики символизма заимствовано еще и противопоставление *дня* и *ночи*, решенное в контрастных черно-белых, ахроматических тонах: это противопоставление в двух стихотворениях строится на обыгрывании фразеологизма *среди бела дня* —

символистский пример — *Когда глаза / Горят, как свечи, / Среди белого дня? / Среди белого дня / И та — далеке — / Одна слеза* 1909; — *Черным пламенем Федра горит / Среди белого дня. / Погребальный факел чадит / Среди белого дня. / <...> / Федра-ночь тебя сторожит / Среди белого дня* 1916; *Кто знает, может быть, не хватит мне свечи, / И среди бела дня останусь я в ночи* 1917; *Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Взять его, щенка Петрова!* 1917

Сгустком света *день* делают еще и метафорические цветообозначения — *тусклый* (пример см. выше), *желтый*, *желторотый*, с дополнительными коннотациями детскости: *Нынче день какой-то*

⁶⁰ *Знать* фонетически дублирует традиционно-поэтический предикат *дня* — *сиять* (разница между ними — только в начальном З/С).

желторотый — / *Не могу его понять* 1936. Сюжетное развитие цветочная топика получает в раннем стихотворении «О, небо, небо, ты мне будешь снится!..» — *И день сгорел, как белая страница: / Немного дыма и немного пепла!* 1911.

Дальнейшая материализация дня в идиолекте Манделъштама происходит путем визуализации: *день*, который в норме нематериален, у Манделъштама отождествляется с *миром*, воспринимаемым человеческим глазом:

Мой щегол, я голову закину — / Поглядим на мир вдвоем: / Зимний день, колючий, как мякина, / Так ли жесток в зрачке твоём? 1936.

В связи с общеупотребительным словосочетанием *зимний день* (годовое время, наложенное на время суток, единственный пример!) отметим еще, что температурные характеристики *дня* представлены только в символистский период — *И, как медленная тень, / Ты сошла в морозный день* 1909.

В основной модели мира Манделъштама, как уже отмечалось, хорошо представлены только *день* и *ночь*. При этом особо выделяется наступление *дня* и конец *дня* — как резкое наступление *ночи*:

Или охватит тебя, / Только уста разомкнешь, / При наступлении дня / Мелкая хвойная дрожь 1930; *Рассеян утренник тяжелый, / На босу ногу день пришел* 1913; *И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, / На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится* 1920,

символистские примеры — *И, словно ночь, на день нахлынула / Холмов холодная черта* 1909; *И день сгорел, как белая страница: / Немного дыма и немного пепла!* 1911⁶¹; *Как мертвый шершень возле сот, / День пестрый выметен с позором. / И ночь-коршунница несет / Горящий мел и грифель кормит. / С иконоборческой доски / Стереть дневные впечатленья / <...> / День бушевал, как день бушует. / <...> / Я ночи друг, я дня застрельщик* 1923.

Мы уже имели возможность наблюдать, что в отношении временных номинаций в поэзии Манделъштама существует метафорическая иерархия: от опредмечивания — через зооморфные уподобления — к олицетворению. *День* в этой иерархии проходит

⁶¹ Возможный источник, отмечаемый О. А. Лекмановым (устное сообщение), — символистский: стихотворение В. Я. Брюсова «Настал заветный час дремотный...» (1900) *В мечты мои ты льешь, царица, / Свет изумрудного венца, / И дня прочтенная страница / Тобой дышит до конца.*

— допредметную стадию стихии:

День бушевал, как *день* бушует 1923;

— стадию овеществления:

И день сгорел, как белая страница: / Немного дыма и немного пепла! 1911;
Мой щегол, я голову закину — / Поглядим на мир вдвоем: / Зимний *день*, колючий, как мякина, / Так ли жесток в зрачке твоём? 1936;

— зооморфную стадию:

И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, / На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится 1920; Как мертвый шершень возле сот, / *День* пестрый выметен с позором 1923;

— стадию одушевления:

И сквозь прозрачное рядно / Молочный *день* глядит в окно 1925; Рассеян утренник тяжелый, / На босу ногу *день* пришел 1913.

Единственная метафора олицетворения — предикатное *приходить на босу ногу*, с коннотациями небрежности, неряшливости, может быть, мальчишества — снижает образ *дня*; таким образом, до *ночи*, которая описывается через возвышающие ее олицетворения (Федру и др.), *день* не дотягивает.

День в идиолекте Мандельштама получает либо нейтральные, либо слабоотрицательные оценки (*На босу ногу день пришел*). Отрицательная оценка встречается лишь единожды — *День пестрый выметен с позором* — и она вызвана не столько мандельштамовским отношением ко *дню*, сколько прямой цитацией Тютчева.

Все содержательные, конструктивные и метафорические аспекты, о которых шла речь до сих пор, были традиционными. Однако в поэзии Мандельштама есть и авторские способы обращения с этим словом. На *день* в историософской и биологической концепциях Мандельштама возлагаются функции связующего звена между веками, а также ответственность за ход времени и продолжение жизни (по-видимому, *день* для Мандельштама, как и *солнце*, — это знак стабильности):

Чтобы вырвать век из плена, / Чтобы новый мир начать, / Узловатых дней
колена / Нужно флейтою связать 1923; *Если все живое лишь помарка / За короткий выморочный день, / На подвижной лестнице Ламарка / Я займу последнюю ступень* 1932 [*выморочный* — не имеющий наследников].

День-2.1

День-2.1, 'мир, о котором можно думать как о двух мирах: день-1, ночь; единица измерения времени' (13 примеров), концептуализируется вполне традиционным образом — как единица времени.

Считаемое время представлено в трех случаях, когда слово *день* сочетается с числовыми номинациями — *четыре* 1915, *двести* 1931, *немного* 1920, и с глаголом *пройти* 1920 —

*И ласточки, когда летели / В Египет водяным путем, / Четыре дня они висели,
/ Не зачерпнув воды крылом 1915; И двести дней провел в стране субботней,
/ Которую Арменией зовут 1931; Сначала думал я, что имя — серафим,
/ И тела легкого дичился, / Немного дней прошло, и я смешался с ним / И в милой те-
ни растворился 1920.*

Также в полном соответствии с поэтическим узусом *день* сочетается с кванторами *каждый* и *целый* —

[о XIX веке] *Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох 1924; Мне с каж-
дым днем дышать все тяжелее 1931; Целый день сырой осенний воздух / Я
вдыхал в смятении и тоске 1912.*

Дни как однообразная череда и смена концептуализируются через двойную метафору перемещения, ср.: *Как тяжелые бочки,
спокойные катятся дни 1917.*

⟨Переходные примеры между днем-1 и днем-2.1⟩

Это, прежде всего, случай, когда метафора представляет пять дней, проведенных Мандельштамом под конвоем, спрессованными в один:

*День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток / Я, сжимаясь, гордился про-
странством за то, что росло на дрожжах. / ⟨...⟩ / День стоял о пяти головах
⟨...⟩ 1935*

Другой случай: *день* как обыденное, нетворческое время в идиолекте Мандельштама получает отрицательные характеристики — *дурной, обыкновенный* и т. д.:

*Сегодня дурной день! / Кузнечиков хор спит, / И сумрачных скал сень — /
Мрачной гробовых плит 1911; Какой обыкновенный день! / Как невозможно
вдохновенье — / В мозгу игла, брожу, как тень 1912, ср. также Веселая скорого-
ворка; / О, будни — пляска дикарей! 1913.*

Дни (в каком значении?) также используются как «говорящая» деталь в описании Москвы: примета московских *дней* — казни: *В Москве черемухи да телефоны, / И казнями там имениты дни* 1931.

День-2.2

День-2.2 — ‘большой промежуток времени, выделяемый по какому-либо характерному признаку и не имеющий четких границ’ — представлен двумя фразеологизмами. В первом примере запечатлены исторические перемены (*на пороге новых дней*); второй — это гимн воронежским землям и описание пахотных работ (используется устойчивое выражение *в дни + Род.*) —

Кровь-строительница хлещет / Горлом из земных вещей, / Захребетник лишь трепещет / На пороге новых дней 1923; [о земле-почве] *В дни ранней пахоты черна до синевы* 1935.

День-2.3

День-2.3 ‘человеческая жизнь или промежуток времени, который она занимает’ (1 пример, только в переводе): *Промчались дни мои — как бы оленей / Косящий бег (...)* 1933. Любопытно, что переводя Петрарку, Мандельштам вводит свою метафору движения, знакомую нам по разбору значения *день-2.1*, на место петрарковской — *I di miei più leggier che nesun cervo / fuggîr come ombra (...)* [Дни мои, легче оленя, / Пробежали, как тень].

NB. В поэзии Мандельштама есть еще один фразеологизм, который трудно отнести к какому-либо значению — *утро дней*, ср.: [об Армении] *Закутав рот, как влажную розу, / Держа в руках осьмигранные соты, / Все утро дней на окраине мира / Ты простояла, глотая слезы* 1930 [*утро дней* — как начало мира].

Выводы

Слово *день*, будучи ключевым, не относится к числу наиболее значимых или наиболее выделенных. По сравнению с такими словами, как *век* и *ночь*, оно проигрывает и в красочности описаний, и в частотности. Кроме того, оценки, даваемые *дню*, бывают отрицательными.

На примере разных значений этого слова можно наблюдать эффект смещения от собственно темпоральных контекстов к кон-

текстам метафорическим, живописным, а в некоторых случаях — к специализации или овеществлению. С другой стороны, в некоторых употреблениях проглядывает чисто бытовое отношение к *дню* — *день* становится мерой времени. «Бытовизация» же в поэтическом мире Манделштама, как правило, свидетельствует о пренебрежительном отношении к соответствующей реалии.

Наконец, отметим, что больше половины словоупотреблений была уже задана в русской поэтической традиции, и Манделштам лишь следовал ей, иногда копируя готовые образцы, иногда видоизменяя их.

Неиспользованные возможности

См. § 3.7.1—3.7.2.

3.9.3. Качественное время. Концепт слова *ночь*

***НОЧЬ* (85), *ночка* (2), *ночью* (6), *ночной* (16), *ночевать* (1), всего: 110 (1/60)**

Для сравнения:

Пушкин — 189 (1/73) (в т. ч. *ночь* 128);
Тютчев — 90 (1/74) (в т. ч. *ночь* 57);
Блок — 341 (1/39) (в т. ч. *ночь* 253);
Гумилев — 69 (1/98) (в т. ч. *ночь* 55);
Ахматова — 112 (1/62) (в т. ч. *ночь* 62).

В поэтическом языке, как и в общеупотребительном, слово *ночь* имеет одно значение — ‘часть суток, промежуток времени от вечера до утра’ (СЛУш) или, как объясняет его А. Вежицка, ‘мир, часть которого не есть солнце, дающее людям возможность видеть’:

Какая ночь! Мороз трескучий, / На небе не единой тучи (Пушкин); *Ужасна ночь! В такую ночь / Мне жаль людей, лишенных крова* (Блок); *Море, Красное море, ты царственно днем, / А ночами еще ослепительней ты* (Гумилев);

В то же время в поэтическом языке от этого значения отпочковываются «эротические» метафоры и метонимии: ввиду полного разнобоя контекстов эти метафоры не образуют второго значения:

[Клеопатра] *«Кто к торгу страстному приступит? / Свои я ночи продаю. / Скажите, кто меж вами купит / Ценою жизни ночь мою?»* (Пушкин); *Грехам, вину и страстной ночи / Шепча заветное «аминь»* (Блок); *Быть веселой —*

*привычное дело. / Быть внимательной — это трудней... / Или томная лень ододела / После мартовских прятных **ночей**? (Ахматова).*

Ср. также употребления, промежуточные между временной и «эротической» ночью: *В мою торжественную **ночь** / Не приходи. Тебя не знаю (Ахматова); И в моей **ночи** ревнивой / Каблучки твои стучат (А. А. Тарковский).*

В идиолекте Мандельштама представлены только временные контексты, т. е. ночь в значении ‘часть суток’; Мандельштам, избегавший всего личного, прошел мимо эротических контекстов. В толковании этого значения мы используем дефиницию А. Вежбицкой, потому что именно она отвечает мандельштамовской концептуализации *ночи* — как хронотопа, во-первых, и как мира без солнца, во-вторых.

На фоне традиционно-поэтических употреблений в мандельштамовском употреблении этого слова хорошо просматривается как следование заданным парадигмам (особенно при передаче «чистого» времени, при передаче ночи через живописные детали и олицетворения), так и расхождение с ними (при специализации, материализации и овеществлении *ночи*).

Толкование

Ночь — ‘мир, часть которого не есть солнце, дающее людям возможность видеть’ (62 употребления)⁶².

Ночь (концепт)

В поэзии Мандельштама *ночь* во временных координатах — это промежуток времени (промежуток времени, когда темно / нет солнца; время творчества). *Ночь* входит в один ряд с такими словами, как *сумерки*, *мрак*, *бессолнечный*, и вместе они противопоставлены (хотя и не во всех контекстах) *дню*, *солнцу*.

Ночь как единица отсчета времени в идиолекте Мандельштама передается достаточно каноническими способами, заданными и в поэзии, и в речевом узусе — в падежных и падежно-предложных конструкциях с временным значением:

*На все лады, оплаканное всеми / С утра до **ночи** «яблочко» поется 1920; И вам спасибо! И дни, и **ночи** / Мы строим вместе — и наш дом готов! 1920; [о воздухе] Влажный чернозем Нееры, каждую **ночь** распаханый заново 1923;*

⁶² С *ночью* в некоторых стихотворениях коррелируют *сумерки* и *мрак*, но называть их синонимами, хотя бы даже и неточными, было бы неправильно.

А значение ‘промежуток времени от захода до восхода солнца’ актуализируется кванторами *весь* (необыкновенно широко распространено в поэзии⁶³), *целый*, прилагательным *долгий*:

В таверне воровская шайка / Всю ночь играла в домино 1913; *И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных* 1931; *Чтоб сияли всю ночь голубые песцы / Мне в своей первобытной красе* 1931, 1935; [соловей] *И всю-то ночь щекочет и муравит* 1933—1934; *Целую ночь, целую ночь на страже* 1933—1934; *И, как слепые, ночьюю долгой / Мы смесь бессолнечную пьем* 1917.

Ночь обозначает (или имитирует) календарное время в сочетании с действительными местоимениями *эта/та* [*ночь*], в сочетании с *сегодня*, с количественными числительными (*пять*) (последние также получили большое распространение в русской поэтической традиции⁶⁴) —

— *Я рожден в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / Ненадежном году* 1937⁶⁵; *Сегодня ночьюю, не солгу, / По пояс в тающем снегу / Я шел с чужого полустанка* 1925; *Помоги, Господь, эту ночь прожить, / Я за жизнь боюсь, за твою рабу...* 1931; *Благословенны дни и ночи те* 1937; *А со мною жена пять ночей не спала, / Пять ночей не спала, трех конвойных везла* 1935.

Для того чтобы приурочить событие к суточному/календарному времени, в идиолекте Мандельштама также используется наречие *ночью* —

[о луне] *Не та, что ночьюю смотрит в Капитолий* 1915; *Умывался ночьюю на дворе* 1921; *Въехал ночьюю в рукавичный / Снегом пылущий Тамбов* 1936; *Видит ночьюю ряд домов, / Днем казавшихся домами* 1937.

И все-таки в подавляющем большинстве контекстов *ночь* дается в пространственно-временных или пространственных координатах. И тогда *ночь* — это мир в этот промежуток времени, и хронотоп (‘время + пространство’), и мрак, темнота, и небытие. *Ночь* в 14% обозначает только пространство (без времени!): *Чер-*

⁶³ Ср.: *Всю ночь не спал старик угрюмый* (Пушкин); *Нет, дальше не пойду: под сению дубов / Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов, / Смотри в лицо зарю иль вдоль дороги серой...* (Фет) и др.

⁶⁴ Ср.: *И он летел три ночи и три дня* (Гумилев).

⁶⁵ Ср. первопрецедент — *Зачатый в ночь, я в ночь рожден, / И вскрикнул я, прозрев: / Так страшен матери был стон, / Так страшен ночи зев* (Блок).

нопахотная **ночь** лихих закраин / В мелкобисерных иззябла огоньках 1935. В ранний, символистский период была представлена еще и *ночь* как стихия:

Быть может, я тебе не нужен, / Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой. / Ты равнодушно волны пенишь / И не сговорчиво поешь; / Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины ложь 1911.

Как создается ночной хронотоп в поэзии Мандельштама, мы покажем на примере двух контекстов. Один из них — традиционнопоэтическое в *ночи*⁶⁶: — *Ты побудь со мной сначала, — / Верность плакала в ночи* 1915 (единственное употребление). Второй — это повтор слова *ночь* в пределах одного стихотворения; при этом один раз *ночью* передается ‘время’, а второй — ‘пространство’, всего два таких примера:

Чтоб сияли всю ночь [темпорализация] голубые песцы / Мне в своей первобытной красе. / <...> / Уведи меня в ночь [спационализация], где течет Енисей / И сосна до звезды достает 1931; *День стоял о пяти головах, и, чумя от пляса, / Ехала конная, пешая, шла чернотверхая масса — / Расширеньем аорты могущества в белых **ночах** — нет, в ножах [спационализация] — / Глаз превращался в хвойное мясо* 1935.

В идиолекте Мандельштама, как и в идиолектах других русских поэтов, может происходить частичное смещение в сторону материализации и спационализации *ночи*. Так, атрибутами *ночи* становятся и ее темнота, густота, причем эти ее качества в идиолекте Мандельштама могут градуироваться, ср.:

традиционно-поэтические эпитеты [*ночь*] *густая* 1923, *глухая* 1916, 1920, *глубокая* (символистский пример *Глубока, как ночь, зима* 1909) и предикаты *сгущаться* 1917, 1922; *нарастать* (*И ночь нарастает, унынья и меди полна* 1920).

Будучи воплощением мрака, тьмы, *ночь*, с одной стороны, противопоставлена *солнцу, свету*, а с другой стороны, она приобретает коннотации небытия, страшной и непонятной стихии:

Эта ночь непоправима, / А у вас еще светло 1916; *Кто знает, может быть, не хватит мне свечи / И среди бела дня останусь я в **ночи**, / И, зернами дыша рассыпанного мака, / На голову мою наденут митру **мрака*** 1917; *Старухи ов-*

⁶⁶ Ср.: *А как звезды в **ночи** задрожат, / Я всю **ночь** им рассказывать рад* (Фет).

цы — черные халдеи, / Исчадье **ночи** в катюшах тьмы 1915 [исчадье ночи на основе фразеологизма *исчадье ада*].

Заметим, что в русской поэзии до Мандельштама эти смыслы передавались контекстом более ощутимо, на уровне словосочетаний, а не коннотаций:

*Пройдет он мимо вас во мраке **ночи** / И обо мне вспомнят* (Пушкин); *Как мог, слепец, я не видать тогда, / Что жизни **ночь** над нами лишь сгустится, / Твоя душа, красы твоей звезда, / Передо мной, умчавшись, загорится* (Фет).

Цветовые обозначения для *ночи* в идиолекте Мандельштама — самые разные, от традиционных для русской поэзии черных и белых до нетрадиционных, собственно мандельштамовских:

в черном бархате советской ночи 1920, *чернопахотная ночь* 1935, *в склепе скромной ночи* 1934 [в большинстве примеров — нетрадиционное метафорическое решение]; *в белых ночах* 1935;

[*ночь*] *синяя* 1933—1934, *зеленая* 1935 (с перестановкой — *Зеленой ночью папоротник черный*); еще один эпитет, *прозрачный* 1920 (эпитет для обозначения потустороннего мира, для небытия), связан с *ночью* опосредованно, *Они шушат в прозрачных дебрях ночи*.

Примеры: *Как соловей сиротствующий славит / Своих пернатых близких **ночью** синей / И деревенское молчанье плавит / По-над холмами или в котловине, / И всю-то **ночь** щекочет и муравит* 1933; *Мир начинался страшен и велик: / Зеленой **ночью** папоротник черный...* 1935.

Есть у *ночи*-‘хронотопа’ в поэзии Мандельштама и другие характеристики. «Температурные», в полном соответствии с традицией, передаются эпитетом *теплая* 1918; *ночь* в перспективе времени года, так же в рамках традиции, — эпитетом *зимняя* 1924. Наконец, *ночь* в идиолекте Мандельштама может связываться не с каноническим (и для поэзии, и для наивного концепта) *молчаньем*, а с шумом, беспокойством:

*Каким железным скобяным товаром / **Ночь** зимняя гремит по улицам Москвы, / То мерзлой рыбою стучит, то хлещет паром / Из чайных розовых — как серебром плотвы* 1924.

Еще сильнее акцентируется пространственность *ночи* в идиолекте Мандельштама при помощи локативной конструкции *В + Твор. Пад.*, а также пространственными и материальными генитивными метафорами, включенными в эти конструкции:

в глубине... ночи 1937, в недрах ночи 1913, в... дебрях ночи 1920, в черном бархате... ночи 1920⁶⁷, в склепе темной ночи 1933 и, наконец, римских ночей полновесные слитки 1935.

При специализации *ночи* на первый план выходят «живописные» компоненты — ср.:

*А глаз, подбитый в недрах **ночи**, / Как радуга цветет* 1913; *Пускай уходит в **ночь** глухую / Мной всполошенное зверье!* 1916; *Иди, никто тебя не тронет, / На грудь отца, в глухую **ночь** / Пускай главу свою уронит / Кровосмесительница-дочь* 1920; *Мы стоя спим в густой **ночи** / Под теплой шапкою овечьей* 1923; *Нам остаются только поцелуи, / Мохнатые, как маленькие пчелы, / Что умирают, вылетев из улья. / Они шуршат в прозрачных дебрях **ночи*** 1920; *В черном бархате советской **ночи**, / В бархате всемирной пустоты, / Все поют блаженных жен родные очи, / Все цветут бессмертные цветы. / <...> / За блаженное, бессмысленное слово / Я в **ночи** советской помолюсь. / <...> / Что ж, гаси, пожалуйста, наши свечи / В черном бархате всемирной пустоты* 1920; *По милости надменных оболъщений / Ночует сердце в склепе скромной **ночи*** 1934; *Чернопахотная **ночь** лихих закраин / В мелкобисерных иззябла огоньках* 1935.

Полная специализация происходит в тех случаях, когда *ночь* становится частью поэтического пейзажа. В этом случае с ней может даже сочетаться прилагательное-топоним: *иудейская* (она же — *Ерусалима ночь*) 1917, *советская* [*ночь*] 1920, *воронежские* [*ночки*] 1935, *римские* [*ночи*] 1935. Ср.:

*Ночь иудейская сгушалась над ним, / <...> / Он говорил: небес тревожна желтизна! / Уж над Евфратом **ночь**⁶⁸: бегите, иереи! / <...> / И семисвещником тяжелым освещали / Ерусалима **ночь** и чад небытия* 1917; *И эту обряд той петушиной **ночи**, / Когда, подняв дорожной скорби груз, / Глядели вдаль заплаканные очи / И женский плач мешался с пеньем муз* 1918; *Когда в теплой **ночи** замирает / Лихорадочный форум Москвы* 1918; *И в глубине сторожевой **ночи** / Черноработчей вспыхнут земли очи* 1937; *Попомню я воронежские **ночки**: / Недопитого голоса аи / И в полночь с Красной площади гудочки... 1935.*

Новая серия нетрадиционной художественной мифологизации *ночи* — это овеществление. В ряде случаев оно связано с концептуализацией *ночи* как времени творчества, ср.:

⁶⁷ Ср. первопрецедент *Сырой туман вползает в грудь / По бархату **ночей**...* (Блок).

⁶⁸ Ср. аналогичную синтаксическую конструкцию — *Течет над пустыней высокая **ночь*** (Ахматова).

Ломаю **ночь**, горячий мел / Для твердой записи мгновенной 1923; Римских **ночей** полновесные слитки, / Юношу Гете манившее лоно 1935 (с некоторой эротизацией контекста); Есть в лазури слепой уголок, / И в блаженные полдни всегда, / Как сгустившейся **ночи** намек / Роковая трепещет звезда 1922; **Ночь** в рукавах и просторное / Круглое горло упорное 1937.

Еще более нетрадиционными способами в идиолекте Мандельштама выполняется метафорически-символическое одушевление — как правило, в женских образах, как зоо-, так и антропоморфных:

*И **ночь**-коршунница несет / Горячий мел и грифель кормит 1923;*

*Я хотел бы ни о чем / Еще раз поговорить, / Прошуршать спичкой, плечом / Растолкать **ночь**, разбудить 1922; Слетев, он помнит измерение / Других эбеновых игрушек, / Врагину **ночь** (...) 1923;*

*Федра-**ночь** — тебя [Ипполита] сторожит / Среди белого дня. / (...) / Уязвленная Тезеем / На него напала **ночь** 1915; Слышишь, мачеха звездного табора, / **Ночь**, что будет сейчас и потом? 1937; Когда уснет земля и жар отыщется, / А на душе зверей покой лебяжий, / Ходит по кругу **ночь** с горячей пряхей / И мощь воды морской зephyр колышет 1933—1934.*

Ср. более традиционные «женские» метафоры ночи — *О повелительница **ночь**, / Никто не в силах превозмочь / Победный шаг твоих сандалий* (Гумилев); *Видишь, и мне наступила на горло, / Душит красавица **ночь*** (Блок).

Впрочем, в одном случае такой метафоризации можно усмотреть соответствие речевому узусу — *Судьба велела, **ночь** решала, / Когда проснулся телефон 1918.*

Ночь в рамках мандельштамовской космологии связана со звездами, что само по себе, разумеется, не выпадает из традиции: *Долго ль впивать мне сияние ваше, / Синего неба пытливые очи? / Долго ли чуют, что выше и краше / Вас ничего нет во храмине **ночи**?* (Фет). Что выпадает из традиции, так это образная подоплека метафоры, которая может быть самой разной —

*Где **ночь** бросает якоря / В глухих созвездьях зодиака, / Сухие листья октября, / Глухие вскормленники мрака, / Куда летите вы? (...) 1920 (1917?); На полицейской бумаге верже / **Ночь** наглоталась колючих ершей — / Звезды живут — канцелярские птички 1930; Слышишь, мачеха звездного табора, / **Ночь**, что будет сейчас и потом? 1937.*

Ночь в стихотворении «Рим» обозначает знаменитую статую Микеланджело — *Все твои, Микель-Анджело, сироты, / Облеченные*

в камень и стыд, — / **Ночь**, сырая от слез ⟨...⟩ 1937. Попутно отметим, что эта традиция была продолжена А. А. Ахматовой — Статуя «Ночь» в Летнем саду» — **Ноченька!** / В звездном покрывале, / В траурных маках, с бессонной совой...

Речевой узус проникает в поэзию Мандельштама вместе с фраземой *Доброй ночи*, «Стихи о неизвестном солдате» — *Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте, — / Доброй ночи! всего им хорошего / От лица земляных крепостей!* 1937.

Выводы

Ночь — ключевое слово в идиолекте Мандельштама, и более того, необыкновенно важное для картины мира Мандельштама.

Ночь претерпевает концептуальное смещение от «разметки» времени к качественному пространственному (или пространственно-временному) континууму, она становится составной частью некоторых пейзажей; она овеществляется и одушевляется.

По употреблению пары *день — ночь* можно судить о том, что Мандельштаму нужно не то время, которое служит простой единицей или мерой времени, а качественное, «окрашенное» время или же «время-пространство». Именно для него находится место в его космологии.

Неиспользованные возможности

неиспользованные предложно-падежные конструкции, все во временном значении — *По ночам забываю дни* (Блок); *Как растет тревога к ночи* (Блок); *И, туго косы на ночь заплетя, / Как будто завтра нужны будут косы, / В окно гляжу я, больше не грустя, / На море, на песчаные откосы* (Ахматова); *Молитесь на ночь, чтобы вам / Вдруг не проснуться знаменитым* (Ахматова); *ночь* в 'эротическом' значении — *Это — рыжая ночь твоих кос?* (Блок); *Но клянусь тебе ангельским садом, / Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенных чадом — / Я к тебе никогда не вернусь* (Ахматова); *Ты пьешь вино, твои нечисты ночи. / Что наяву не знаешь, что во сне* (Ахматова);

ночь как 'небытие', 'инобытие', 'окончание земного существования' — *Я в жизни обмирал и чувство это знаю, / Где мукам все конец и сладок томный хмель; / Вот почему я вас без страха ожидаю, / Ночь безрассветная и вечная постель!* (Фет); *Скажи, где место вечной ночи?* (Блок); а также *И снова ринусь грудью в ночь / Увидеть бездну роковую* (Фет);

ночь накануне христианского праздника или сам этот праздник — *Погадай мне, друг мой няня, / Нынче святочная ночь* (Фет); *Иль в ночь на Пасху, над Невою, / Под ветром, в стужу, в ледоход — / Старуха нищая с клюкою / Мой*

труп спокойно шевельнет? (Блок); а также «Иванова ночь» (название стихотворения Блока);

словосочетание *звездная ночь* — *Тихая, звездная ночь* (Фет); *И в ночи январской беззвездной, / Сам дивясь небывалой судьбе, / Возвращенный из смертной бездны, / Ленинград салютует себе* (Ахматова); *Где-то ночка молодая, / Звездная, морозная...* (Ахматова);

словосочетание *бессонная ночь* — *Когда бы в долгие часы бессонной ночи, / На ложе, медленно терзаемый тоской, / Ты звал обманчивый покой* (Пушкин); *Точно грезы больные бессонных ночей / В этом плачущем звуке слиты* (Фет); *Десять лет замираний и криков, / Все мои бессонные ночи / Я вложила в тихое слово* (Ахматова).

3.9.4. Годовое время

Здесь принципы словоупотребления и словопреобразования у Мандельштама и в символистский, и в постсимволистские периоды остаются теми же. Это — типизация, персонификация, символизация. Причем каждое из этих четырех слов получает свое художественное оформление.

Зима 15, зимний 5, предзимний 1, беззимний 1, зимовать 2
(данные по всей поэзии)

Для *зимы* в идиолекте Мандельштама характерна, прежде всего, типизация: при этом зима художественно оформляется в традиционных образах *снега, льда, мороза, стужи*; зима в пространственных категориях связана с *севером*, с *Валгаллой* (мифология скандинавов, северного народа) и т. д. Интересно, что *зимы* у Мандельштама отличаются друг от друга не только тем, что они оформляют разные городские пейзажи:

в Петербурге она *несуровая* 1925, в Москве — *зима-красавица* 1924; в России — *жестокая* 1917, ср.: *Ничего, голубка, Эвридика, / Что у нас студеная зима* 1920,

но и тем, что они пропущены через восприятие разных субъектов —

Кому зима — полынь и горький дым к ночлегу, / Кому — крутая соль торжественных обид 1922; *Как подарок запоздалый / Ощутима мной зима* 1936.

Отметим еще, что характеристики *зим* могут одновременно служить приметой эпохи: *Я полюбил тебя, безрукая победа / И зачумленная зима* 1917.

Весна — 9, весенний/вешний — 4

Весна в первую очередь служит для Мандельштама символом искусства:

Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина 1915; *Из блаженного, певучего притина / К нам летит бессмертная весна. / Чтобы вечно ария звучала: / «Ты вернешься на зеленые луга»* 1920.

В акмеистической поэзии Мандельштама есть один пример на персонификацию — *Я улыбнулся весне, / Я оглянулся украдкой, — / Женщина гладкой перчаткой / Правила, точно во сне* 1912. Дальше прием персонификации получает продолжение в сборнике «Tristia», 2 примера: *Бежит весна топтать луга Эллады* 1919.

Весна как активное, действующее начало представлена в «петербургском» стихотворении, ср.: *Мне холодно. Прозрачная весна / В зеленый пух Петрополь одевает* 1916. В этом и еще двух других стихотворениях (все из сб. «Tristia») *весна* ассоциативно связана с царством смерти — в частности, через эпитеты *прозрачная/прозрачно-серая*:

Еще далеко асфodelей / Прозрачно-серая весна 1917; *Прозрачная весна над черною Невой / Сломалась, воск бессмертья тает...* 1918.

Лето — 9, летний — 4

Лексема *лето* в большинстве случаев применяется для описания конкретных мест, ср.: *Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето* 1931; *Полуукраинское лето / Давай с тобою вспоминать* 1936. Один раз *лето* дается как время-пространство, причем летний хронотоп создается нетрадиционным способом: *А город так горазд и так уходит в крепь / И в моложавое стареющее лето* 1937.

Лето в переносных значениях использовано дважды, для передачи импрессионистского пейзажа —

Его запекшееся лето / Лиловым мозгом разогрето, / Расширенное в духоту 1932,

и для создания другой сложной метафоры, в которой вызревание камней в море уподобляется вызреванию земляники летом:

В опале предо мной лежат / Морского лета земляники — / Двуискренние сердолики 1935.

Осень — 4 (встречается до 1914 г.), осенний — 3

В трех случаях из четырех *осень* персонифицируется. В акмеистическом «Камне» *осень* метафоризируется как *волчица*, которая вскормила Ромула и Рема, — *Мне осень добрая волчицею была* 1915.

В заключении раздела о годовом времени нам остается добавить, что оно выступает у Мандельштама чаще всего как время-пространство, потому что временная соотнесенность чаще всего сохраняется даже и при передаче качеств, примет, действий и т. д. При темпорализации обозначения времен года могут соотноситься как с линейным временем, так и с циклическим, ср.:

линейное — *Мне жалко, что теперь зима / И комаров не слышно в доме* 1920; циклическое — *Когда на площадях и в тишине келейной / Мы сходим медленно с ума, / Холодного и чистого рейнвейна / Предложит нам жестокая зима* 1917.

3.10. МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ (ИТОГИ)

Как уже отмечалось, концептуализация времени в поэзии Мандельштама не выходит за границы расхожих представлений, но оформление этих представлений выдает мандельштамовский почерк.

Метафоризация времени у Мандельштама следует двум языковым архетипам. Один из них Н. Д. Арутюнова назвала силой времени (Арутюнова 1997). Второй — это метафора движения. Еще две метафоры — метафора путника (время статично; человек перемещается по времени, как по пространству) и время как объект, который можно делить на части, — в поэзии Мандельштама не представлены. Зато в поэзии Мандельштама обнаруживаются специализация ([о небе] *В беременном глубоком будущем / Жужжит большая медуница* 1923) и овеществление времени (*Эра звенела, как шар золотой, / Полая, литая, никем не поддерживаемая* 1923). Такое метафорическое оформление времени выдает пространственное, а не временное мышление Мандельштама.

Обратимся теперь к первым двум типам метафор.

1. Метафора сила времени, передающая агрессивный, разрушительный характер времени, существует в идиоме

Мандельштама в двух вариантах. Первый — «время все разрушает», «век-волкодав бросается на человека» — мы видели по употреблению слов *время* и *век*. Второй — в варианте «время ← река», в двух случаях, правда, с отступлением от традиции: в одном примере оно в том, что в стертую метафору Мандельштам привносит живописность (*время* — это не просто река, а прозрачная стремнина, которая все уносит), в другом же речь идет не о *времени*-‘абстракции’, а о *времени*-‘эпохе’ — *взрвели реки времен обман-ных и глухих* (вспомогательные слова метафоры — с коннотациями агрессивности).

В качестве исходной точки, с которой начинается метафоризация (линейного) времени в поэзии Мандельштама, можно предложить языковую метафору *Забор покосило от времени*, в которой ответственность за происходящие изменения приписывается времени. В этой метафоре есть синтаксически невыраженный субъект действия, некая ‘сила’; *время* же в ней синтаксически представлено в виде обстоятельства со значением ‘причины’, т. е. в виде непрямого каузатора действия. Мандельштам несколько видоизменил эту синтаксическую конструкцию тем, что убрал ‘причинность’ и передал *времени* функцию деятеля. Его метафорическая модель — *Время покосило забор*, ср.:

И меня срезает время, / Как скосило твой каблук 1922; «Две черствые липы, оглохшие от старости, подымали на дворе коричневые вилы. Страшные какой-то казенной толщиной обхвата, они ничего не слышали и не понимали. Время окормило их молниями и опойло ливнями, — что гром, что бром — им было безразлично» («Путешествие в Армению», 1931—1932, ОМ, II: 108).

2. Второй тип метафоры, который, впрочем, перекрещивается с первым (например, «время ← река»), — это м е т а ф о р а д в и ж е н и я, знакомая нам по разделу «Пространство». Она полностью копирует пространственную метафору перемещения. Сходство возникает еще и благодаря единообразному метафорическому оформлению — однокодовым тропам.

Соответствие стертым метафорам в поэзии Мандельштама — редкое явление (ср. ранние примеры *круг минут* 1913, *За мигом летит миг* 1911); чаще встречается индивидуально-авторское оформление с обилием живописных деталей (например, «время ← тонущий корабль», «(5 дней) ← парусное судно»):

О луговине той, где время не бежит 1915
 И все идут, идут / Ночлеги, ночи, ночки — / Как бы слепых везут 1937
 Я слышу Августа, и на краю земли / *Державным яблоком катящиеся* годы 1915
 Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни 1917
 Промчались дни мои, как бы оленей / *Косящий бег*. (...) / Пронеслась ватага часов добра и зла, как пена в пене 1934
 И налетит пламенных лет стая 1937
 Идут года железными полками 1935
 На босу ногу день пришел 1913

В ком сердце есть — тот должен слышать, время, / *Как твой корабль ко дну идет* 1918
 Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо 1935.

В качестве вспомогательных образов в этой серии тропов используются предметные имена (*яблоко, бочка*, у обоих типичное движение — *катиться*), а также существительные с семантикой собирательности, *полк, стая* и *ватага*. Большинство метафор — однокодовые, см. § 0.5.3 (4).

Для описания временных промежутков, протекания и наступления времени используется еще и метафора псевдодвижения, когда в движение вовлекаются нематериальные, статичны реалии. В следующей серии примеров на первый план выходит живописность:

От вторника и до субботы / *Одна пустыня пролегла* 1915
 И медленный день, как в соломе проснувшийся вол, / На стогнах, шершавых от долгого сна, *шевелится* 1920
 И ночь нарастает, унынья и меди полна 1920
 Воздушно-каменный театр времен *растуших* / *Встал на ноги* (...) 1937
 (...) и столетья / *Окфужают* меня огнем 1937

3.11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тематические выводы. «Время» в поэтической картине мира Манделштама не является основополагающей категорией, какими, безусловно, являются «мир» и «пространство». Оно вытесняется с главенствующих позиций «вневременностью». Эпиграфом к этой главе или выводом из всех приведенных нами рассуждений могла бы стать строчка Манделштама: *У меня остается одна забота на свете: / Золотая забота, как времени бремя избыть* 1920.

Тем не менее поэтические грамматика и лексика Манделъштама позволяют говорить о разнообразии временных представлений. Так, в поэзии Манделъштама 1913—1925 гг. происходит смена четырех моделей времени: циклической, спиралевидной, исторической и линейной. Линейное время «главенствует» не только в поэзии 20-х гг., но и в поэзии 30-х гг. И такой набор моделей, и их последовательность имели место в истории человечества; а это значит, что Манделъштам еще раз процитировал мировую культуру.

2. Грамматика времени. Временное оформление мира в поэзии Манделъштама (как, впрочем, и в поэзии вообще) осуществляется прежде всего средствами грамматики. Анализ грамматики времени, выполненный на материале поэзии Манделъштама 1906—1925 гг. (три первых корпуса стихотворений), показал, что из трех блоков времен — вневременного, статического и динамического — самым представительным оказывается вневременной.

3. Лексикографические выводы. Несмотря на вневременные тенденции в поэзии Манделъштама само слово *время* имеет высокую частотность и большой семантический вес. *Время* в идиолекте Манделъштама концептуализируется с точки зрения своего разрушительного воздействия на окружающий мир, на человека, культуру: в 12 случаях из 30 время подается как разрушительная сила, которая губит, уничтожает и уносит.

Анализ временной лексики — а ее в 2,4 раза меньше, чем пространственной, — позволяет сделать вывод о том, что словарь Манделъштама беден временными смыслами. Многие временные номинации у Манделъштама из разметок времени превращаются в предмет описания или средство описания других реалий.

Слова, передающие суточный и годовой цикл, лежащие «на перекрестке» линейности и цикличности, пространства и времени, в идиолекте Манделъштама «претерпевают» явное смещение в сторону пространственности, природного (а не бытового или календарного) времени и символизации.

* * *

В заключении этой главы остается отметить еще один любопытный факт: поэзия — одно из немногих искусств, напрямую

связанное с временем. Дело в том, что сама композиция стихотворения предполагает линейность, порядок следования и расстановку событий. Но, как уже не раз отмечалось, поэзия Мандельштама входит в явное противоречие с линейной подачей сюжетов, зарисовок. Об этом — наблюдения Г. Г. Шмакова:

«Одной из характерных черт поэзии XX века (западной и русской) является то, что образная система поэтического произведения изменяет принципу последовательного развития во времени и оказывается пространственно развернутой в его момент. В творчестве многочисленных поэтов XX века (поздний Малларме, Т. С. Элиот, Эзра Паунд, Гийом Аполлинер, Осип Мандельштам, поздний Кузмин) поэзия как искусство динамическое и исконно временное приобретает черты пространственных искусств (статических и изобразительных), тем самым нарушая эстетические законы искусства, положенные Лессингом в его «Лаокооне»... Стихотворение у этих поэтов зачастую представляет собой один пространственный образ — семантический блок или комбинацию подобных блоков (интеллектуально-эмоциональных комплексов), расположенных рядом друг с другом пространственно на плоскости и не развивающихся во времени (...«Нашедший подкову» и «Грифельная ода» Мандельштама...)» (Шмаков 1990: 8)

Мандельштам, писавший и сохранявший стихотворения-двойчатки (два варианта «Ариоста», два варианта «Заблудился я в небе...»), и в этом нарушал законы линейного времени:

«Над композициями русской лирики 19-го века тяготеет угроза реальной длительности, линейности, повествовательности. (...) Над «новой» русской лирикой другая опасность: полный разрыв с временной последовательностью и целенаправленностью речи, когда целое выглядит веером вариантов (особенно у Мандельштама)» (Седакова 1994: 333).

1990—2001